

**Д. М. ПАНИН:
ВОЗВРАЩЕНИЕ
В РОССИЮ**

«НАСЛЕДИЕ»

**Научный совет по русской культуре
при Отделении литературы и языка
Российской академии наук**

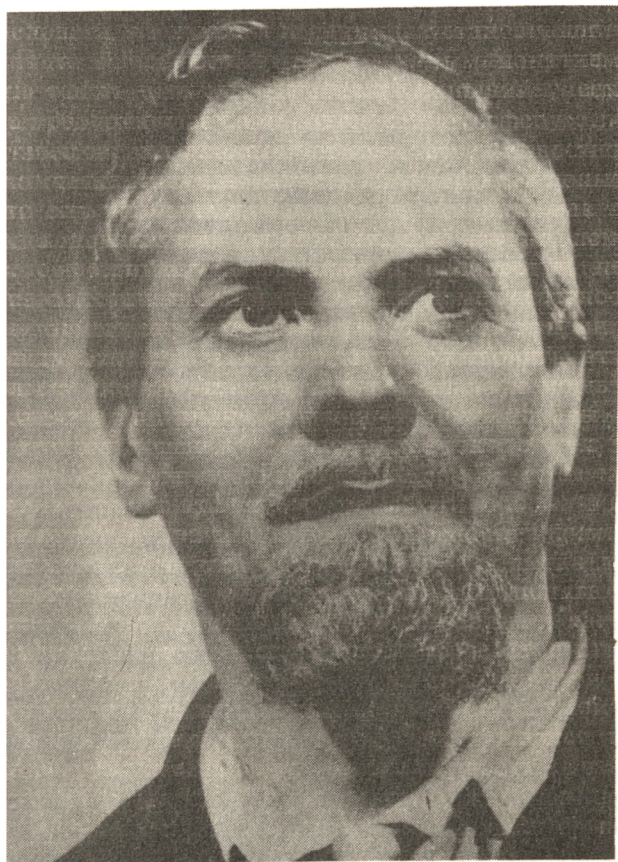
**Д. М. ПАНИН:
ВОЗВРАЩЕНИЕ
В РОССИЮ**

**Москва
“Наследие”
1995**

К ЧИТАТЕЛЯМ

Трудный путь России в XX веке определил и трудный путь русского мыслителя, Дмитрия Михайловича Панина. Имя его еще мало известно в его отчизне, где лишь с 1991 года стали выходить его труды. Д. Панин как бы замыкает плеяду философов русской эмиграции 1917-1940 годов, хоть хронологически он жил в эмиграции позже. Не случайно поэтому доклады о его работах были заслушаны на конференции, посвященной культурному наследию мыслителей этого периода, имевшей место в сентябре 1993 года в Президиуме Российской Академии Наук. А 21 декабря этого же года состоялась международная научная конференция «Д.М. Панин: возвращение в Россию» в ИМЛИ РАН. Чтобы осветить разные аспекты жизни и творчества Дмитрия Панина в эту книгу включены не только доклады, прочитанные на этой конференции, но и доклады не смогших на ней присутствовать академика Г. Фридлендера, философа Н. Шабурова, писателей А. Арьева, З. Крахмальниковой и покойного В. Чернявского.

Предполагается напечатание и материалов конференции «К 85-летию со дня рождения Панина», которая состоится в Санкт-Петербурге в феврале 1996 года.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В сотрясениях, которыми движется современный мир, мы естественно ищем нечто устойчивое, способное объединить разлетающиеся и противоречащие друг другу частицы. Хочется видеть хотя бы контуры общего движения и, не дожидаясь успокоения, — которое неизвестно когда и придет, — занять в нем сознательно свое место.

Институт мировой литературы в течение десятилетий стремился, насколько было в его силах, содействовать этой задаче. Мы были первыми, кто из светских учреждений отметил специальной конференцией тысячелетие христианства на Руси. Люди стояли в проходах и даже на улице, чтобы слышать слово собравшихся. Мы первыми в современной России начали разрабатывать наследие таких мыслителей, как Флоренский и Розанов. Трехдневная конференция по К. Леонтьеву не смогла заслушать всех желающих. Федоровский семинар Института, руководимый С. Г. Семеновой, давно стал ведущим центром изучения этого «православного Кампанеллы и Маркса» одновременно. У нас шла и идет работа по изданию, собиранию, комментированию и истолкованию наследия классиков русской и новейшей русской литературы, которые — что не всегда понятно на Западе — были и крупнейшими нашими мыслителями, лучшими и наиболее глубокими выразителями смысла недавней истории.

Сегодняшняя наша встреча посвящена законному возвращению в Россию Дмитрия Михайловича Панина. Интерес к нему вызван прежде всего сочетанием в этом человеке больших начал, которые обычно существуют и рассматриваются отдельно.

Великий тезка Дмитрия Михайловича, Дмитрий Иванович Менделеев в стратегически важнейшем своем завещании «Заветные мысли» высказал надежду, что русский народ, занимающий «географическую середину старого материка», способен «по-видимому, довести до конца реальные представле-

ния об единении вещества, силы и духа, в чем должно видеть истинное торжество реализма». Д.М. Панин имеет ко всем этим «трем составляющим» прямое отношение.

По духу он христианин, то есть связан с коренными и заветными убеждениями русского народа, не исчезавшими, конечно, и в коммунистические времена. Потому что, как не раз и в разных приближениях отмечалось, сами коммунисты (и в особенности русские коммунисты) были ничем иным, как отчаявшимися христианами, решившимися добиться Божия царствия на земле своей собственной беспощадной рукой. Причем они начали прямо со страшного суда, то есть как бы в обратном «встречном» направлении к священной истории. А внутри, среди массы захваченных этой идеологией людей, в жестоких катаклизмах эпохи, конечно, никогда не угасал и приносил плоды идеал жертвенного служения, братства и духовного преодоления «интересов» — что в полной мере позволяет видеть и различать этих людей в свете принципа «не по словам их, а по делам их судите их». И разумеется этот принцип применим в не меньшей степени к тем, кто никогда от христианства официально не отходил. Д.М. Панин — убежденный и, в духе времени, социально-ориентированный христианин — имел на этот счет свои представления, обоснованные им в книгах, которые лишь сегодня получают возможность обратиться к русскому читателю. Они нуждаются в обсуждении.

Силой, энергией (второй составляющей по Д.И. Менделееву) Д.М. Панин обладал, судя по всему не меньшей, чем страстно ненавидимые им большевики. Они называли, как мы хорошо помним, своих выдающихся представителей «несгибаемыми». В полном смысле несгибаемым был и Д.М. Панин. Он доказал это своей судьбой. Уроки, которые мы могли бы извлечь из столь мощного столкновения, конечно, заслуживают внимания.

Наконец, «вещество» — область, в которой мы, филологи, не обладаем правом каких-либо ответственных суждений. У Д.М. Панина эта область была профессией; здесь, как считается, ему принадлежат серьезные открытия. Но отношения этой области с «духом» и «силой» касаются всех. Русская мысль XX века предприняла в этом направлении ряд грандиозных усилий, которые, несомненно, пролагают дорогу в будущий мир.

Это, конечно, тот же Н.Ф. Федоров, впервые поставивший задачу подчинения техники нравственному закону и очень

четко наметивший пути, если не объединения, то во всяком случае согласования двух с виду чужеродных начал. Некоторые сектантские черты его учения иногда мешают оценить значение тщательно проработанных им идей; тем не менее, они все глубже и прочнее входят в современное и конкретное «сцепление проблем». Это безусловно А.Л. Чижевский, открывший воздействие «физики» космоса на состояния человеческого духа и истории; это естественно В.И. Вернадский, установивший обратное влияние человека на космос известным понятием «ноосферы»; это и П.А. Флоренский, предложивший учесть еще одну невидимую сферу — духа — «пневмосферу», преобразующую другие «оболочки» и виды вещества. Известно также, что Флоренский совершил чрезвычайно дерзкую попытку: не объяснить технически «научно» явления истории, как это делалось не раз, то есть не сводить наш дух к научно доказуемым постулатам, конечным величинам, а наоборот, — попытаться понять все существующее в данный момент разнообразие наук и специальностей изнутри бесконечного принципа «столпа истины», — то есть развязать и растворить эти формулы в задачах духовного развития. Новизна и мощь этой, как он называл ее, «конкретной метафизики» таковы, что она до сих пор далека от признания и даже вызывает, случаясь и в церковных кругах, подозрения в ереси. Не имея ни возможности, ни компетенции вмешиваться в эти споры, мы, люди, вовлеченные в общий со всеми ход вещей, видим, какое громадное практическое значение имела эта попытка для каждого из нас. Она давала и дает возможность понять, что и в косном мире вещества есть некое мерцание, какое-то все-таки подобие духовных движений, которое само просится и ведет к пониманию целого — единства мироздания и единства пути.

Вот в этом контексте — накопленной мысли и новой раздвинувшейся пропасти истории — мы и встречаем каждого человека, возвращенного из забвения или отвержения. Мы также ищем в нем проблески общего пути. Конечно, не без ошибок и срывов, лишь бы угадывалось, хоть пунктиром, это стремление.

Не всегда бесспорны и идеи Д.М. Панина. Например, вопрос о людях, на которых он так надеялся и которых считал ведущими в нашем отечестве. По его замыслу это должны быть высоконравственные личности, готовые занять решающее место в управлении государством: мечта, которой предавался еще Платон и едва унес ноги от тирана, согласившегося было

принять его услуги. Серьезный вопрос: кто будет в конце концов угадывать и определять этих высоко нравственных личностей. Они сами? Сами себя? Очень сомнительно. Известная теорема Геделя, на которую ссылается и Д. Панин в своей философии, говорит о том, что доказать непротиворечивость системы можно лишь выйдя за ее пределы, т.е. извне. Всегда нужно что-то более высокое, чем предмет, чтобы его оценить. И высокий дух, моральный дух должен, конечно, определять не сам себя, а определяться чем-то более высоким, чем он сам. Чем? Это серьезный и глубокий вопрос, с которым практически мы сталкиваемся неизбежно. Тем более во времена, когда мы постоянно встречаем людей, называющих себя интеллигенцией, то есть самозванную интеллигенцию, заменяющую этим самосознанием действительную интеллигентность. Нетрудно видеть, какие катастрофы наступают для тех, кем они берутся руководить. Или этот почти что принятый титул «совести нашей». Почему это моя совесть должна быть вне меня? Она бывает только внутри. Можно не колеблясь утверждать, что человек, вообразивший себя «совестью нашей» и ведущий себя подобным образом, погиб — не физически, конечно. Словом, откуда все-таки могут взяться эти высокоморальные люди, чтобы стать решающей силой общественного развития, — очень тяжелый вопрос. Он, разумеется, может быть высказан как мечта и пожелание, но на практике он сталкивается с необыкновенными трудностями, и эти трудности составляют в сущности главную проблему.

Но И.Я. Панина, принимающая участие в этой конференции, не раз говорила, что Димитрий Михайлович прежде всего просил откликаться на проблемы. Спорьте, отвергайте, сомневайтесь, высказывайте собственное мнение, но не замалчивайте. Не оставляйте проблему несуществующей. Это серьезный принцип. Итак: возвращение Д.М. Панина — первые вопросы и соображения.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ УМА

(«Держава созидателей» Дмитрия Панина)

Размышляя о судьбах русских людей с благородно открытым сердцем и независимой мыслью, одним из которых был скончавшийся в Париже 18 ноября 1987 года Дмитрий Михайлович Панин, обреченно наталкиваешься на необходимость касаться крошечных периодов нашей истории. Как будто безблагодатная жизнь современников — непрменный залог ниспослания благодати на избранных судьбой героев. Все те доблестные черты, которые явили себя в духовном — даже физическом! — облике Панина, словно бы нарочито стертые, не поддаются выявлению, когда глядишь на эпоху в целом. Случай Дмитрия Панина настолько ярок, что речь может идти даже не о конкретных десятилетиях XX века, но о некоторой доминанте исторической жизни. Типическое переливается в ней аморфным бессодержательным месивом, зато крайность глядит путеводной звездой.

К печальным обстоятельствам русской истории причисляют отсутствие в ней рыцарства. Вытекающие из этого факта последствия малоприятны. Еще в XIX веке почтеннейший писатель и историк Михаил Погодин имел смелость умозаключить: «Честь — не русское понятие». В наши дни пошла еще дальше. Объявляется, что и «свобода» — понятие не русское. У нас, мол, есть «воля»...

Все эти соображения можно счесть «наветами», когда они исходят от разрушителей или врагов России. Что им до того, что самые свободные люди гноились у нас в монастырских узилищах, превращенных затем в большевистские казематы, что люди чести гибли на дуэлях и в усобицах, а рыцарей перманентно изгоняли из отечества, когда они не покидали его сами.

Неотличимая от разгула «воля» в кризисные эпохи ведет к утверждению и прославлению «революционного правосознания». А еще на более глубоком уровне наш надрывный пролет

души сквозь все божеские и человеческие заповеди распаивает двери в хаос. За этими дверями ожидается «слияние со стихией». Во всем этом просматривается восхитительное и уникальное своеобразие национальной жизни. В свободе же — то ли «буржуазный», то ли «демократический» предрас-судок. А главное — мелкий соблазн, чечевичная похлебка, за которую покупают нашу бессмертную православную душу.

В «наветах» скрыта, однако, и уязвляющая сознание русских людей правда. Признавая ее, мы отказываемся от пошловатой самовлюбленности, открываем пути к нравственному самосовершенствованию. В такие мгновения мы не боимся из всех западных мифов сильнее всего сопереживать мифу о полубезумном рыцаре, мифу о Дон Кихоте. Потрясения нашей истории связаны не с тем, что Россия временами слабеет, а с тем, думал Панин, что она спорадически звереет, как это случилось в 1917 году.

Нельзя, конечно, сказать, что одна нация нравственнее другой. В мире господствует своего рода «закон сохранения нравственной энергии». И даже когда она видимым образом убывает из общества в целом, она наполняет сверх всяких «норм» души отдельных людей. Переходя на язык Панина, обобщим: разреженное нравственное поле подразумевает образование областей этических «густот».

В советском XX веке эти области «густот» обнаруживаются в сердцах людей, издевавших рабский труд концентрационных лагерей и беспросветный гнет тюрем, людей, познавших на собственном опыте все виды унижения человеческого достоинства.

Димитрий Панин, наследник мятежных стрельцов и потомственных дворян, провел в советских тюрьмах, лагерях и шарашках 13 лет. Плюс три года в ссылке. Арестованный по доносу друга в 1940 году, он освободился в 1956-м. Без реабилитации. Своих антисоветских взглядов он не таил.

И все это беспросветное время он думал о возрождении России — «вплоть до нового крещения Руси». В этой мысли красоты, конечно, больше, чем во всей коммунистической утопии.

Дело тут не в том, чтобы еще раз загнать народ в Днепр. Дело в ином, в тягчайшем опыте, когда жизнь становится олицетворенным свидетельством уничтожения десятков миллионов лучших соотечественников (в борьбе со злом первыми погибают достойнейшие — в этом сомнений быть не должно).

«У переживших эту трагедию нет отечества,— говорит Панин.— Оно должно быть завоевано».

Мысль о спасении России и мысль о ее новом завоевании соседствуют у Панина, едва ли не являясь символом его гражданской веры. Она рождается из его христианского опыта, из его христианской философии. Если «в начале было Слово», то за ним последовали не слова, а действие, созидание — вот достойное современного христианина кредо. «Всему предшествовал творческий замысел Бога, определивший полный цикл развития вселенной»,— пишет Панин.

«Держава созидателей», последняя из работ Панина, законченная в год его смерти, покоится на этом основании, на этой скале. С нее земные цели видятся в ином свете, в том числе и главная забота переустроителей жизни — борьба за справедливость.

Для человека гонимого, подверженного неисчислимым репрессиям, особенно может стать догмой то, что нет в нашей земной жизни ничего выше справедливости. Как не превозносить ее, если и сам автор «Державы созидателей» шестнадцать лет подряд противостоял ее антиподу — несправедливости.

Тем поразительнее тот бросающийся в глаза факт, что основные положения «Державы созидателей» о справедливости как бы умалчивают, едва ли не игнорируют ее. У Панина основное содержание нормальной общественной жизни — это «возвращение к Богу», «милость к падшим», «не мстить за старое», «жалеть людей» (и «не жалеть денег»), «относиться к разрушителям (коммунистам) как к неполноценным братьям».

Говоря еще более простым языком, панинским «языком предельной ясности», заключим: благородство и великодушие — выше справедливости. В том числе конфессиональной, национальной и социальной.

Этот принцип и отличает концепцию Панина от всех революционных концепций построения нового общества. Слишком часто борьба за справедливость приводит к крови. И до сегодняшнего дня мир заливается кровью именно под этим лозунгом.

Но если, как полагает Панин,— и с этого он начинает рассуждение в «Державе созидателей» — «в XX веке христианская цивилизация — ведущая» и все мы плывем «в одной барке», то и общество нам следует строить, исходя из христианских начал и принципов.

Революции на земле существуют в самых разных формах. Димитрий Панин признает из них единственную — «револю-

цию в умах». При всей ее неосязаемости — это самая трудная и самая достойная из революций.

При наглядной христианской насыщенности панинские тексты не являются «богословскими трудами» (хотя высоко оценены и о. Александр Шмеманом, и о. Александром Менем), но — «моделями мироздания». Так понимал свою задачу и сам мыслитель, создавший оригинальную концепцию «мира-маятника» и всеобъемлющую «Теорию густот».

Поэтому для Панина, инженера по профессии, возможно сказать: «Быть Творцом означает также быть Экспериментатором». Из этого постулата естественно выводится проблема теодицеи, объяснения заполненности мира злом в присутствии Всеблагочащего начала. Проблема, центральная уже для Достоевского. Тем более — для человека, прошедшего советские лагеря смерти.

Все человечество Панин делил на «созидателей» и «разрушителей». Первых, полагал он, на свете меньше. Но это «люди доброй воли», и единственно они способны построить на земле «Державу созидателей».

Подобной лексикой пользовались и противники Панина. «Каиново отродье». Важно подчеркнуть, что она имела у них противоположный знак, соблазняла людей мифами о материальном потреблении как неопровержимой цели человеческого развития.

Философия Панина одухотворена иным убеждением: «Физический мир был создан последним и дальше других миров от божественного совершенства и гармонии».

В этот «физический мир» послан человек — для испытаний, порой превосходящих осознанные им возможности. Но достичь духовной просветленности вне этих испытаний шансы ничтожны. «...Испытание доктрин, определяющих отношение человека к миру,— пишет Панин в лагерных записках «Лубянка — Экибастуз»,— происходит именно и только в страшных, а не в благополучных условиях».

«Хозяева жизни», апологеты комфорта и благополучия, обречены на поражение, на духовное, а затем и физическое разложение. «Доктрина коммунизма удобна для подавления, угнетения и уничтожения простых людей,— продолжает Панин,— но одновременно она превращает многих своих последователей в предателей, стукачей, рабов отживших формул, лжецов, трясущихся над своей шкурой, не способных к протесту и объединению».

Большевики не осознавали, что такое «братство», ненавидели «свободу», но «равенство» пропагандировали усердно. Его иллюзия и составляла, собственно, нравственное обоснование их строя. Панин разрушает и этот фундамент: «Стремление к так называемому равенству — проявление зависти», — говорит он.

Даже зная, что «равенство» возможно лишь в нищете, отказаться от него как от самоочевидной и справедливой доктрины невероятно трудно. Особенно в среде, где давно преклоняли колена перед нищими духом, в среде, где самого Христа со щемяще сладостным чувством узнают непременно «в рабском виде».

Панин был тверд и в этом раздирающем человеческую совесть вопросе. «Непонимание особенности разделения рода человеческого на созидателей и разрушителей, на авелей и каинов, и соответственно отсутствие борьбы с наиболее опасными разрушителями» он ставит в упрек всему христианству на первой же странице «Державы созидателей».

Панин призывал к созданию «общества независимых», а не «общества равных». Это означало, что основная тяжесть ответственности за бедственное состояние мира лежит не на «разрушителях», а на «созидателях», на «людях доброй воли».

«В создавшемся положении в мире виноваты прежде всего христиане», — писал он, вменяя им в вину в первую очередь «нарушение единства христианского мира». То есть Панин осуждал за разделение Церковью верующих в Спасителя.

При всей критике состояния современных демократий, напоминающей, кстати, критику — тех же лет — своего младшего товарища по Марфинской шарашке Александра Солженицына, русский христианин считал католическую Церковь достойным гарантом духовной стабильности свободного мира. В отличие от подавляющего большинства верующих на родине Панин имел смелость заявить: «Моя ставка — на Запад».

Объяснимся: Запад для Панина — плацдарм, а не приют. «Западником» в традиционном понимании этого слова он вовсе не был. В Европе он ценил не «прогресс», не «демократию», а те свободно сохранившиеся институты, что исчезли или были изувечены в России: недоверие к классовой борьбе как к «ловушке для всеобщего порабощения»; умение граждан жить по свободному «выбору» наперекор «желаниям» и тем самым признание того важного обстоятельства, что к свободе путь лежит не через «волю», а через «полусвободу»; приоритетное положение «людей умственного труда» по сравнению с

«интеллигенцией»; сохранение во многих странах наследственной монархии и тем самым ограничение «власти политиков»; а пуще всего — устоявшуюся среди соблазнов и террора тоталитарных режимов католическую Церковь. То есть на Западе Панин ценил то, на что наши православные соотечественники часто смотрят пустыми глазами и в чем их укорял даже такой нелицеприятный критик чужебесия, как Достоевский. «Вы считаете, что на Западе померк образ Спасителя? Нет, я этой глупости не скажу».

Запад устоял не благодаря доносящейся на Восток проповеди эгалитарного смешения, а благодаря, как представлял это себе Панин, исповедованию «спасительного принципа» Единого Бога, внятного, естественно, лишь «имеющим уши».

«Но тут уже не философия, а вера, — процитируем еще раз Достоевского, — а вера — это красный цвет».

На этот раскаленный, пламенный цвет Панин окончательно вышел в лагере — на сороковой день неизлечимого, смертельного недуга. В этот день по всем законам течения болезни он должен был скончаться. Но неустанная молитва сотворила чудо: именно в эту последнюю минуту началось выздоровление. Замечательно, что в деталях сходный путь к вере выпал и Солженицыну...

Великий русский хирург Николай Пирогов говорил, что если имя Бога срывается с уст в самые драматические, страшные минуты жизни, то недостойно забывать о Нем в дни покоя и благоденствия. Просто следовать убеждениям — этого человеку мало. Они должны быть проверены еще и нравственным чувством. Мерило в таком случае одно — Христос.

Сегодня кажется несомненным, что достоинство, честь, рыцарский дух, столь редко приводящие людей в нашем смиренном отечестве к откровению и благодати, привлекут внимание к духовному пути Димитрия Панина раньше, чем к чьему-либо другому. Жить без подобного нравственного вектора вскоре станет просто невозможным.

СОСТОЯНИЕ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ДИМИТРИЯ ПАНИНА

Димитрий Михайлович Панин родился 11 февраля 1911 года в Москве. Отец его, Михаил Иванович Панин, присяжный поверенный, из стрельцов, в войну 1914 года был армейским офицером. Четыре тетки по отцу монашествовали в монастыре города Краснослободска Пензенской губернии. Мать Димитрия Панина, Мария Валерьяновна, урожденная Опрянина, была столбовой дворянкой. После катастрофы в октябре 1917 года (Димитрий Михайлович никогда не называл это событие «революцией») до своей ранней смерти в 1926 году Мария Валерьяновна отдалась религии, став приверженкой патриарха Тихона («тихоновкой»).

В институт Димитрий Панин как «лишенец» (лишенный гражданских прав после 1917 года в силу своего происхождения) поступить не мог и после техникума стал работать на цементном заводе в Подольске. Рабочий стаж дал возможность поступить в Московский институт химического машиностроения (МИХМ), где он защищает диплом инженера-механика и заканчивает аспирантуру. В 1936—38 гг. в «Трудах МИХМ» опубликованы были его первые научные работы. Перед защитой диссертации в 1940 году его арестовали по доносу «друга», инженера Клементьева, и он был приговорен Особым Совещанием к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по статье 58-10 за антисоветскую агитацию. Так был прерван научный поиск ученого. Когда этот «детский» срок подходил к концу, сфабриковали новое дело об организации вооруженного восстания в лагере и после нового десятилетнего срока отправили на вечное поселение в Северный Казахстан в город Кустанай. Лишь в 1956 году Димитрий Михайлович вернулся в Москву, где работал главным конструктором в научно-исследовательском институте «Стройдормаш» до ухода на пенсию. В 1972 году он решил уехать из СССР, чтобы иметь возможность завершить работы, задуманные еще в студенческие годы и те, которые начал в заключении, во испол-

нение обета Богу, спасшему его от смертельной в лагерных условиях пеллагры. Им и посвятил он себя целиком до своей внезапной смерти 18 ноября 1987 года в Париже.

Духовное наследие Панина состоит из уже изданных, при его жизни и посмертно, на Западе и в России, книг, отражающих многообразные аспекты творчества автора, и из еще неизданного. Труды Панина возможно классифицировать по их естеству.

А. ИЗДАННОЕ

I — Философия и наука

1. «Теория густот», опыт христианской философии, показывает на основании достигнутого уровня наук, что вселенная с ее мирами, как физическим, так и трансфизическим, носителями жизни и человеком могла быть создана только творческим путем. В физическом мире отсутствует густота, способная обеспечить его саморазвитие. Во вселенной такая густота — Творец, создавший по своему замыслу исходное сгущение, определившее миры и их дальнейшее развитие. Густота — первооснова всех вещей и явлений вселенной. Пространство и время физического мира образованы из его частиц и густот. Ими управляет закон движения вещей, открытый Паниным в 1950 году, согласно которому любое явление происходит вследствие разности густот. В каждую вещь физического мира время и пространство входят как обязательные составные части. Душа принадлежит трансфизическому миру и состоит из его частиц. Произвольное развитие от менее совершенного к более совершенному опровергается вторым началом термодинамики и законом движения вещей. Для создания жизни требовалась творческая Густота огромного уровня, обладающая разумом, волей, знаниями. Физический мир следует рассматривать как лабораторию Творца. Пространства физического мира, которые находятся от Творца на расстоянии сотен световых лет, в пустоте лежат непосредственно перед Ним. Для колоссального скачка от хаоса (начальной фазы большого взрыва) к упорядочению из энергетического запаса вселенной должно было перейти в физический мир огромное количество энергии, при обеспечении ее управления. Физический мир был создан Творцом последним и дальше других миров от Божественных совершенства и гармонии.

Теория густот состоит из четырех частей: Мир, Творец, Человек, Общество, рассмотренных из единого принципа — густоты. Впервые «Теория густот» была издана во Франции маленьким тиражом в 1983 году как приложение к выходящему на французском языке журналу Ле Шуа (Выбор) Ассоциации «Друзей Димитрия Панина» (АДП). (Впоследствии журнал печатался с русским приложением). Полное издание Теории густот вышло сначала во Франции (изд. Презанс, 1991, предисловие философа Мишеля Казенав), и лишь потом в России (Москва, изд. «Мысль», 1993, предисловие Сергея Аверинцева).

2. «Механика на квантовом уровне» представляет собой научные гипотезы и открытия на основе Теории густот в теории относительности и в квантовой механике. Разработана квантовая механика макромира, в которой рассмотрены такие параметры классической механики как сила в статике и динамике, ускорение, импульс, количество движения, энергия, работа, фактор скорости. Вместо принятой в квантовой механике частицы-волны предложена частица с волновыми свойствами на основе гипотезы о пространстве-пси. Найдена сила, возникающая при лоренцовом сокращении, представляющем собой насос пространство-время. Новейшие исследования американского спутника Кобе подтвердили наличие густоты в текстуре земли и тем самым правильность предлагаемого Паниным объяснения теории большого взрыва с позиций Теории густот.

«Механика на квантовом уровне» была издана на Западе по-французски и по-русски малым тиражом в 1987 и в 1988 году (репринтное издание АДП), по-английски в 1989 г. В России вышла в 1993 г (Москва, изд. Физматлит/Наука. Послесловие французского физика Сержа Тарасенко).

3. «Вселенная глазами современного человека» предшествовала Теории густот. Книга вышла на русском языке сначала в 1977 г. в Турне (Бельгия), а затем в 1991 г. в России вошла в сборник философских и социологических работ Панина («В человеках благоволение», Москва, изд. «Обновление», 1991).

4. «Постулаты марксизма и законы природы» противопоставляют марксистскому пониманию материи, пространства и времени, сознания, происхождения жизни положения Теории густот, основанные на универсальных законах природы,—

единственном критерии истины. В разделе «В поисках заместителя души» рассмотрены труды академика Павлова после открытия им условных рефлексов. В приложении — взгляды предбиологов на происхождение жизни. «Постулаты марксизма и законы природы» в виде курса лекций были прочитаны Д.Паниным в Канаде в Королевском университете города Кингстона (Онтарио) в 1987 г. На Западе вышло на русском языке их репринтное издание (АДП, Париж, 1978); на английском — издание Кингстонского университета (Кингстон, 1978); на французском «Постулаты» опубликованы в журнале «Ле Шуа» в 1978 г. Они включены также в Дополнение к полному изданию «Теории густот» на французском и русском языках.

5. «Пустота безбожия» опровергает основные постулаты атеизма: изобретение Бога и вечной морали человеком; вечное существование физического мира, в котором материя в непрерывном движении создает все вещества и явления природы. Рассмотрены методы антирелигиозной пропаганды в СССР на примере ряда распространяемых там книг: Бертрана Рассела «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?», Э. Ильенкова «Об идолах и идеалах», Я. Ленцмана «Сравнительная евангелия», Хьюлета Джонсона «Христианство и коммунизм».

Извлечения из рукописи «Пустота безбожия» были напечатаны под названием «Арсенал атеизма» во французском журнале «Ле Шуа» и в его русском приложении в 1979 г. и вошли в Дополнение к французскому и русскому изданиям Теории густот. Полностью рукопись еще не издана.

6. Доклады Д.Панина на ежегодном международном коллоквиуме по эпистемологии, философии и истории наук опубликованы в Трудах этого семинара (Senanque VI — X, Gordes, France, 1979 — 1983); его доклады на био-математическом конгрессе, имевшем место каждые два года во Франции, опубликованы в англо-французском журнале этого конгресса: *Revue bio-mathématique*, 1979, 1981 (Antony, France).

II — Социология, экономия, политика

1. «Мир-маятник» состоит из трех отдельных работ, первые две из которых написаны еще в СССР: «Этические принципы людей доброй воли», «Общество независимых», «Какой путь

выбрать». Развитие человечества можно уподобить движению огромного маятника, приближающегося к конечной точке своего размаха. Успехи науки и техники, мировые войны, возросшие международные связи, вмешательство сверхдержав в жизнь других стран, наличие оружия массового уничтожения и многие другие причины вынуждают народы развиваться совместно. Но политическое и экономическое положение в странах различно. Мир охвачен жадой преуспевания в ущерб духовным запросам. При всеобщем изобилии начинается духовная порча. В критической точке размаха маятника люди доброй воли всех стран земного шара, вооруженные сильными, научно обоснованными идеями усовершенствования общества, могут совершить решающий перелом и преодолеть надвигающийся распад. Новый размах маятника (новая осцилляция) переведет человечество на более высокую ступень духовного развития. В состоянии упадка из недр только одного народа не может появиться нужное число людей доброй воли, которые не дадут остановиться миру-маятнику, несмотря на огромное сопротивление разных сил. Основы свободного мира следует совершенствовать, но не подвергать коренной ломке. В предлагаемом новом мироустройстве — «Обществе независимых» — при всеобщем изобилии возрастут и духовные возможности. Общество независимых разделено на секторы согласно наклонностям людей. Сектор энергии предназначен для индустриального производства. В этот сектор входят тяжелая, машиностроительная, обрабатывающая, военная промышленности и многие научно-исследовательские институты. В секторе жизни охраняются мелкие предприятия и восстановлены ценные ремесла и кустарные промыслы. Разрушенная деревня постепенно будет возрождаться в русле хуторских, фермерских хозяйств. В секторе духа формируется душа под воздействием ряда факторов, главный из которых — мировоззрение людей. Отличительная особенность общества — этический контроль, порученный элите людей доброй воли и благородного духа. Их основные принципы : благородство души, быть бесстрашным согласно завету Спасителя, свобода через полусвободу (ибо высокая свобода требует самоограничения человека), частная собственность незыблема. Этический контроль необходим для очищения общества от сил зла. Лишь под воздействием благородного начала возможно исправление и усовершенствование мира. Экономическая основа общества создателей — разделение на секторы и рынок-конкуренция под надзором Палаты регулирования и этического контроля. Пред-

ложенное социально-экономическое устройство опирается на созданную Д. Паниным политэкономю.

Мир-маятник был опубликован сначала по-французски в 1974 г. под названием «Осциллирующий мир» (Монте-Карло, изд. Реген). В 1977 г. «Мир-маятник» вышел на русском языке (Тель-Авив, изд. Время и мы). В России частично вошел в сборник «В человеках благоволение».

2. «Политическая экономия на энергетической основе», то есть на основе закона сохранения энергии, противостоит политэкономии Маркса. Господствующие марксистские понятия прибавочной стоимости и эксплуатации рабочих отвечают лишь с большим приближением эпохе раннего капитализма XIX века и совершенно неприемлемы для современных экономически развитых стран в конце XX века. Они неприменимы также к сельскому хозяйству. Маркс не понял физической стороны процессов и полностью проигнорировал роль творческих идей и открытий в производстве изделий. Для современного производства, широко использующего машины-орудия, работающие от природных источников энергии, положения Маркса не применимы. В предлагаемой новой политэкономии ручная, автоматизированная и умственная работа определяются затратами энергии; понятие прибавочной стоимости заменено понятием прибавочного труда; установлен источник оплаты экзистенциальных (бытовых) расходов работников; рассмотрены формы индустриальной и экзистенциальной эксплуатации человека человеком и обществом.

«Политэкономия на энергетической основе» на Западе в кратком изложении была издана на русском языке в 1973 г. (Франкфурт/М. изд. «Посев»); на французском вошла в «Осциллирующий мир» и в Дополнение к полному изданию «Теории густот». В России опубликована впервые в 1993 году в Дополнении к Теории густот в издательстве «Мысль».

3. «Созидатели и разрушители», на которые можно разделить людей. Разрушители, как и созидатели, могут быть любой расы или национальности и принадлежать к любому классу или сословию. Наравне с законами природы жизнью человека управляют этические законы, представляющие собой законы созидания общества, и глубинные законы, управляющие жизнью народов. Этические законы требуют от созидателя неустанного самосозидания души и сознания, помощи неустойчивым, коих подавляющее большинство, для достижения ими того же уровня, решительного пресечения вредной для

общества деятельности разрушителей. От свободной воли выбора человека зависит действовать в направлении созидания или разрушения. Люди доброй воли могут не дать остановиться миру-маятнику, если будут действовать согласно этическим законам. В книге рассмотрены причины катастрофы 1917 года в России и духовного оскудения Запада.

«Созидатели и разрушители» вышли на русском и на французском языках на Западе в приложении к журналу «Ле Шуа» в 1983 г. В России частично вошли в сборник «В чело-веках благоволение».

4. «Держава созидателей» — последняя рукопись Пани-на — посвящена проблеме сохранения христианской цивили-зации. Благотворное развитие человечества зависит от самосо-зидания созидателей и ограничения деятельности разрушите-лей. Созидатель достигнет правового сознания, когда произой-дет слияние сознания правоты его поведения с правами, на которые он заслуженно претендует по закону. Право вне правоты открывает путь разрушителям для достижения их целей. В основе нового мироустройства — общества созидате-лей, объединенных на религиозной основе,— новая политиче-ская экономия и этические начала, завещанные Спасителем. Предвидя задолго до горбачевской перестройки устранение коммунистического режима в России и в странах восточной Европы, Д. Панин в главе «Как наладить жизнь в новой России» делится своими соображениями. Миллионы искале-ченных режимом людей нельзя просто спихнуть в систему либерального хозяйства, где маломощные предприниматели оказываются беззащитными и зачастую обречены на исчезно-вание. Падших, обленившихся, возненавидевших труд людей общество должно прежде всего возродить. Частичные экономиче-ские реформы ни к чему не приведут. Частная собствен-ность, рыночная экономика, фермерские хозяйства, негосудар-ственные экономические структуры должны быть как можно скорее восстановлены. После стольких безумств и ошибок не следует повторять недостатки западной либеральной системы, которая сама оказалась в собственных тисках. «Становление новой России требует разрешения тысяч задач,— считает Па-нин,— однако у нас крепкая уверенность в нашем светлом будущем. Поручкой тому:

— творческие силы могучего народа, разорвавшего свои оковы,

— христианский и требовательный взгляд на жизнь,

— зоркое отношение к проискам зла...»

После духовного опустошения, насильственного насаждения безбожия и марксистского обскурантизма образование новой России должно покоиться на прочных основаниях, а для этого отвечать главным заветам Спасителя. Только возврат к духовным ценностям позволит оздоровить «больную душу народа» и установить этический контроль в обществе.

«Держава созидателей» вышла в России в 1993 г. в издательстве «Радуга». На Западе еще не издана.

5. Еще до отъезда на Запад Паниным была написана работа «Как провести революцию в умах» населения СССР, подвергнутого с момента катастрофы 1917 года обработке всеми средствами массовой пропаганды. Строй мирно или с наименьшим потрясением, — считал Панин — сменяется другим, когда у основной части населения утверждается мнение о его порочности и о необходимости его замены. Чем основательнее такие мысли завладевают умами, чем шире они проникают в толщу народа, тем больше оснований для бескровной смены системы правления. Революция в умах — самая бескровная революция. В микробратствах, то есть в естественно образовавшихся в тоталитарном режиме проверенных годами группах людей, полностью доверяющих друг другу, всегда обсуждались все проблемы в атмосфере полной свободы. Необходима была за пределами СССР радиостанция сил освобождения от режима насилия, могущая разоблачить преступления режима, раскрыть пустоту марксизма и безбожия, предложить новую философскую систему, развивающую в людях великодушные и исключаящую мстительность и сведение счетов. Постепенно микробратства смогут объединиться с помощью мостиков, перебрасываемых от одного микробратства к другому, и возможно будет перейти к стадии забастовок.

Работа эта вышла на Западе, задолго до «перестройки» Горбачева. Сначала на русском в Германии (Франкфурт на Майне, изд. Посев, 1973), затем в Америке (Сан-Франциско, изд. Глобус, 1981). На немецком языке была издана в Берне швейцарским восточным институтом в 1974 году. По-французски напечатана в журнале «Шуа» (№ 2, 3-4, 1977) и в «Оциллирующем мире». В России включена в дополнение к «Державе созидателей».

III — Мемуарная литература

«Лубянка-Экибастуз. Лагерные записки» — честнейшее свидетельство о сталинских лагерях, тюрьмах, пересылках. От внутренней тюрьмы на Большой Лубянке до особлага в Казахстане, в Экибастузе, где в зените сталинского террора произошла одна из первых забастовок, одним из руководителей которой был Димитрий Панин. Вторую книгу «Записок» — путь из Экибастуза через Павлодар, Омск, Караганду в штрафной изолятор лагеря смерти Спасска и годы ссылки в Северном Казахстане, в Кустанае — Панин написать не успел.

«Лубянка-Экибастуз» — книга о победе добра над злом; в ней нет мстительных чувств. По ходу своего повествования автор оценивает события и делится своими размышлениями с читателем. На Западе эта книга вышла под названием «Записки Сологдина» (на русском — Франкфурт на Майне, изд. Посев, 1973; на французском — *Mémoires de Sologdine*, Paris, éd. Flammarion, 1975; на английском — *Notebook of Sologdin*, London, Hutchinson, 1976; New-York, Harcourt, Brace, Yovanovitch, 1976). В России мемуары Панина согласно его воле были опубликованы под названием «Лубянка — Экибастуз»: Москва, изд. Обновление, 1990 (репринтное посевское издание); Москва, изд. Скифы, 1991 (дополненное издание с предисловием Владимира Максимова).

IV — Публицистика

1. Статьи Д.Панина на политические и религиозные темы. На Западе публиковались по-французски в частности в журналах *Le Choix* (Выбор), *Troisième millénaire* (Третье тысячелетие), *France catholique* (Католическая Франция); по-русски — в «Русской мысли», «Новом русском слове», «Вестнике РХД», «Континенте», «Голосе Зарубежья», «Часовом» и др. В России были отдельные публикации в «Литературной газете», журнале «Горизонт», ежегоднике «Хронограф».

2. «Солженицын и действительность» — критика «Письма к вождям» Солженицына и ряда его взглядов. На Западе на русском книга издана в 1975 г. на правах рукописи ограниченным тиражом, на французском — *Soljénitzyne et la réalité*, Paris, éd. Table ronde, 1976.

Б. НЕИЗДАННОЕ В АРХИВЕ ПАНИНА:

I — Неопубликованные рукописи: «Преддверие», «Принципы преддверия», «Пустота безбожия», «О применении законов развития».

II — магнитофонные записи, представляющие собой отзывы о прочитанных книгах, журнальных статьях, увиденных кинофильмах и отклики на политические и религиозные события. Этот своеобразный магнитофонный дневник Панина подготовлен к печати.

III — Записи, проекты, чертежи, в частности предсмертная работа о легком лазере.

IV — Переписка, в том числе с французским социологом Реймоном Ароном, философом Жаном Гиттоном, а также со многими представителями русского зарубежья: литературоведом Глебом Струве, Ю. Потемной, А. Солженицыным, редактором журнала «Часовой» В. Ореховым, редактором журнала «Голос зарубежья» В. Пирожковой, писателем В. Рудинским.

Мне кажется, что проблемы, которые поставлены сегодня в докладах на этой конференции, только какое-то начало. Они представляют собой материалы для дальнейшего исследования и дискуссии. Димитрий Михайлович Панин писал тезисно и считал, что его мысли смогут быть развиты впоследствии. Тезисное изложение особенно чувствуется в Теории густот и в «Державе созидателей», оставшейся, вообще, неоконченной. Самое главное, чтобы идеи Панина начали обсуждаться, чтобы их не замалчивали. «Давайте спорить», — говорил часто Димитрий Михайлович.

К ВОЗВРАЩЕНИЮ ДИМИТРИЯ ПАНИНА В РОССИЮ*

Мы живем в настоящее время в крайне беспокойном мире. У меня есть возможность ездить с лекциями на тему «Наука и вера» по всему миру. Иногда меня приглашают участвовать в теле- и радиодebатах. Аудитории часто переполнены и всегда молодежь в большинстве. Большинство это пришло из рушащегося мира на перекресток — конец XX века. Россия также стоит перед первостепенными проблемами этого перекрестка: отход от научного материализма, но также соблазн следовать системе, которая приводит к богатству. И, наконец, другое искушение, еще более соблазнительное: искушение попытаться заново построить великую Россию. Таким образом я вынужден считать, что в этот критический час наследие, оставленное Димитрием Михайловичем Паниным, имеет первостепенное значение.

Я встретил этого выдающегося человека за несколько месяцев до его смерти во время краткого собеседования с моим участием под Парижем. Димитрий ни разу не взял слова, но беспрестанно давал понять, что я и он на той же длине волны, в гармонии взглядов. В последующие недели мы встретились несколько раз, и поняли, что говорим на одном и том же языке. В этом зрелище мира в процессе развала больше всего нас обоих одновременно поражало крушение материализма. Я рассматриваю материализм как почву, на которой развивается ложь экзистенциального характера. Это ложь, которая сводит реальность вещей к ее видимости, то есть к тому, что я в ней вижу и к тому, что я в ней понимаю. Когда материализм таким образом сводит реальность Вселенной к тому, что человек способен понять в этой Реальности, он открывает дверь иллюзии, он изрекает ложь, призванную поразить все, что относится к существованию Человека. Но наука о нейроне (точнее о нейроновых сплетениях) так же,

* На конференции доклад был прочитан на французском языке.

как Новая Физика показывают, что человек никогда не будет иметь прямого доступа к Реальности. Все его возможности сводятся к измерению на уровне нейронов своего мозга реакции Реальности на его чувства. Мы как бы в положении ветра, который дует. Никто непосредственно не «видел» ветра, но мы знаем, что он дует, потому что мы можем видеть, как листья деревьев шевелятся, как облака проходят по небу и также потому что мы чувствуем нежное прикосновение ветра на лице. Движение листьев и облаков показывает видимым образом невидимое присутствие ветра. Таким образом, человек сможет знать, что есть Реальность лишь в той мере, в какой она себя проявляет. Напротив, он может изучить ее проявление вдоль, вширь и вглубь. Он выразит познание этого проявления с помощью концептов и теорий. Это познание может также выразиться в философском, религиозном и даже артистическом, художественном подходе. Но во всех этих подходах он выразит лишь то, что «ощущает» рассудком. Реальность непосредственно он не ощущает. Он ощущает лишь эффекты Реальности на свою сенсорность (сенсорность дает ему «ощущение» этих эффектов). Именно это все более и более ясно проявляется посредством наук конца XX века. Новая физика говорит нам, что Реальность невидима. Она не зависит ни от пространства, ни от времени, и однако Реальность поддерживает вселенную видимыми проявлениями и придает им смысл. Но все, что человек способен понять, постичь и доказать происходит только оттого, что он ощущает во вселенной, а не от непосредственного видения Реальности. Ложь, присоединяемая к материализму, состоит поэтому в том, чтобы утверждать и заставлять верить, что то, что он ощущает, понимает и доказывает образует Реальность. В то же время человек равным образом создает из того, что он видит и знает о самом себе другое открытое проявление этой Реальности. То, что мы думаем о самих себе, то, как мы «чувствуем» самих себя есть проявление в видимом нашей невидимой реальности. Наша реальность столь же бесконечна, как Реальность, неотъемлемой частью которой она является. Однако мы видим себя ограниченными во времени и в пространстве просто из-за того, что мы «заперты» в нашей сенсорности. И если мы будем основывать нашу жизнь и создание нашей цивилизации на том, что мы ощущаем, понимаем и доказываем, то построим бессмысленное общество. Так как это общество отразит концепты, которые мы извлекли из

воздействия Реальности на наш мозг, а не из самой Реальности.

Тем не менее человек по смыслу и замыслу всех вещей призван совершить главный шаг, который он не может сделать сам: он приглашен «познать» Реальность в союзе с вечной жизнью, которая его «выводит» за непреодолимые пределы того, что он ощущает, однако не уничтожая их. В этом истинный смысл духовной жизни. Пока человек будет отказываться от приглашения к этой Жизни, он будет ниже всей своей реальности. Он остается духовно отчужденным, и в силу этого все, чем он попытается быть и что он попытается делать будет нести на себе клеймо этого отчуждения. Именно в последствиях такого отчуждения коренится трагедия материалистического видения Вселенной.

Никто из тех, кого я знал, не осознавал это так, как Димитрий Михайлович Панин. Он осознавал тот факт, что мы подошли к главному повороту нашей Истории. Потому что, как он, я понимаю благодаря моим поездкам по всему земному шару, что в мире укоренился сильный духовный голод. Это не преходящий каприз; это отказ от всего, что скомпрометировало себя материалистической ложью. Но этот поиск духовного таит в себе опасность. Человек еще раз введен в искушение свести свой поиск к созданию еще одного концепта — концепта духовности без вечной Жизни, концепта Бога, сведенного к теологическому дискурсу. И если он будет основывать возможность духовной жизни на концептах, он также мертв, как раньше. Его религия будет мертва, она будет привязана к концептам, к практике, к традициям, так как человек не может сам по себе войти в духовную жизнь, а может лишь выдумать духовность без подлинной жизни.

Димитрий Михайлович пережил особенно в глубине своих страданий и возвещает в своих трудах, что человек, с одной стороны, должен быть освобожден от самого себя, освобожден от значительности своих концептов, своих собственных истин, и, с другой стороны, что он не может это сделать сам. Таким образом, то, что Димитрий Михайлович пережил есть воздействие замечательной «Благой вести», согласно которой все уже было сделано, чтобы позволить доступ в вечную Жизнь. При полной победе над властью лжи это освобождение было обретено благодаря слову тирании, которая раздавливала человека в плену его понятий. Ложь, маскирующая эти концепты видимостью абсолютной правды, была изложена, и ее мощь была побеждена. Жизнь может выйти только из смерти,

потому что смерть это расчленение, это крушение, и только это крушение освобождает Жизнь, вечную Жизнь. Я это много раз констатировал при моих встречах с пострадавшими людьми. У меня тоже были большие переживания. Таким образом я пережил событие, в котором этот слом освобождает уверенность в вечной жизни. Он изменяет нас очень мало в материальном плане, но возвращает нас постепенно в нашу «нормальность», наше истинное «мы». Только так становится возможным установление жизнеспособного общества. И я думаю, что если, с одной стороны, в России очень трудное время, особенно после почти 75-летнего марксистского господства, то потому, что она пережила и еще переживает этот слом. И всем сердцем с Дмитрием Михайловичем я полон надежды. Ведь через это испытание русской истории русская душа освободится. Важная страница переворачивается, и я думаю, что Россия скорей ведет историю, чем следует за ней. Потому что капиталистический материализм призван равным образом быть разрушенным. Он несет ростки собственного разрушения, так как обнаруживает другую форму тирании экзистенциальной лжи. Странники его такие же рабы как в его марксистском эквиваленте. Там также, когда возвещают послание об освобождении сломом, враждебные реакции имеют место и всегда будут иметь место.

Совсем как, когда представляют видение и призыв Дмитрия Панина. Я помню свой опыт в Англии. Реакция в университетах Оксфорда и Кембриджа у некоторых профессоров и авторитетных личностей была негативной, хотя иной у молодежи. Даже здесь в Москве недавно появилась статья в газете Известия, в которой некоторые академики смеются над положениями, защищаемыми в Теории густот*. Один журналист даже написал, что душа человека по Дмитрию Панинну якобы находится в горле. Это нормальная реакция рабов материалистического угнетения, в котором человек хочет сначала понять, тогда как, если он освобожден от этого желания своим подходом к вечной жизни, концепт «понимать» перестает быть тираническим предварительным условием. Поэтому этим академикам, этим журналистам, равно как людям из Оксфорда и Кембриджа, я говорю следующее: сейчас страница переворачивается. Человек никогда не испытывал такого ду-

---

* Уже после конференции в ИМЛИ С.Тарасенко ответил на необоснованные нападки на Панина в «Известиях» и «Литературной газете» (С. Тарасенко. Открытое письмо тоскующим по научному материализму — Вестник Российской Академии Наук, Москва, 1994, № 11). (Прим. ред.).

ховного голода, какой он испытывает сейчас. Час провала материализма пробил. Огромная мертвая зыбь грядет, и она сметет все. Я совершенно зачарован, когда вижу до какой степени сегодняшняя молодежь обращается к поиску подлинной духовной жизни. Оцените только ее бунт против общества, построенного материализмом, которое он старается удерживать, продлевая свою агонию.

Димитрий Панин возвращается на родину. На самом деле я считаю, что он ее никогда не покидал. Дух его творчества и сила его призыва живы в России больше, чем когда-нибудь. Каким будет наш ответ на этот призыв войти в трансцендентность всего материального? Я полагаю, что одна из целей такой конференции в том, чтобы напомнить о ее неотложной необходимости. Мы переживаем чрезвычайное время. Сможем ли мы ухватить это приглашение к духовной жизни? Призыв брошен над религиозными барьерами для подлинной встречи с Тем, кого Димитрий Панин называл Высшим существом.

Ответы С. Тарасенко на вопросы:

1). Марксизм всегда утверждал, что у него не вся правда — замечание очень верное, но скорей теоретическое. Общество, которое было построено, предстает в противоположность этой теории. Все происходит, как если бы марксисты, навязав тираническую систему постоянной репрессии, хотели заставить думать, что они хранят смысл всех вещей, то есть всю истину. Запрещалось подвергать сомнению то, что система навязывала гражданину. Иначе вы оказывались лишенным физической свободы и даже вас отправляли в концентрационный лагерь.

2). Освобождение, о котором я говорю, не много общего имеет с теологией освобождения. Это ни теология ни концепт. Мое видение освобождения ярко выражено в природе. Рассмотрите зерно ржи. В зерне ржи заложена возможность накормить мир, если будут соблюдены известные условия. Например, если я оставляю зерно на столе, то муки, содержащейся в нем, будет недостаточно, чтобы накормить даже одного человека. Напротив, если я положу зерно в землю, оно изменит структуру и преобразится в колос, который даст от двадцати до сорока зерен. Однако это еще не хлеб на столе. Нужно будет, чтобы зерно трансформировалось с помощью другого разлома. Первый разлом — это его разрушение в

земле. Второй — размалывание у мукомола. Третий — печение теста в печи, при высокой температуре. И вот хлеб, наконец, на столе. Однако я могу на него бесконечно смотреть и тем не менее не буду накормлен. Предстоит сделать последний разлом. Он должен осуществиться во мне. Нужно, чтоб я его раздавил зубами и проглотил. Нужно чтобы желудок его переварил с помощью желудочного сока. Только в этот момент энергия хлеба освободится в моем теле. Зерно, наконец, освободило свои возможности, оно дало мне необходимую энергию для моей физической жизни. Я имел в виду подобное освобождение, освобождение термической энергии при расщеплении атома. Итак, речь в моем докладе шла о подлинном освобождении жизни. Это освобождение возможно лишь посредством разлома связей, которые удерживают плененную жизнь.

Неудача теологии освобождения в применении на практике этой теологии. Пусть те, кто подписываются под теологией освобождения, и желают, чтобы она была возрождена в своем собственном достоинстве, пойдут по всему миру, чтобы изобличить ложь, которую возвели на эту теорию. Как раз так я действую, чтобы реабилитировать начало жизни, укорененное в христианстве. Благая весть Евангелия к несчастью была задушена определенной религиозной практикой, и я как раз разоблачаю ложь, которая в нее проникла.

Д. М. ПАНИН И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Над современным гуманитарием господствует страсть к классификации. Она жжет и нудит его, пока он не найдет подходящую ячейку для любого попавшего в поле его зрения нового явления из области культуры, мышления, духовной жизни; найдя же, он успокаивается, а изучаемое явление, перестав быть чем-то своеобразным, не похожим ни на что, более того, утратив свою энтелехию (этот аристотелевский термин представляется уместным в сообщении о Димитрии Панине), костенеет и превращается в кирпичик стройной картины мира исследователя.

Не скрою: когда я принялся за чтение трудов Д. М. Панина («Лубянка — Экибастуз», «В человеках благоволение»*, «Теория густот», «Держава созидателей» — перечисляю в том порядке, в котором читал), я уже представлял, в какую ячейку его поместить. Откуда такая уверенность? Я знал к тому времени, что Панин — прототип Сологодина из «В круге первом» Солженицына и христианский философ. Первое для меня означало, что его лагерные записки должны стоять в одном ряду с книгами Е. Гинзбург, О. Волкова, Л. Копелева, второе же — что философские труды Панина скорее всего воспроизводят основные темы так называемой русской религиозной философии.

Оказалось, однако, что книги не только не влезают в приготовленные мною ячейки, но я вообще не нашел для них подходящей ячейки, во всяком случае в XX столетии.

Сочинения Панина составляют единое целое (для понимания его идей «Лубянка — Экибастуз» не менее важна, чем собственно философские произведения), и целое это нисколько не напоминает философский универсум В. Соловьева или о. П. Флоренского, С. Франка или И. Ильина. Ведь основная цель русских религиозных философов (при всех различиях

* Сборник философских и социологических работ Панина, вышедший под этим названием после его смерти. (Прим.ред.).

между ними) заключалась в оправдании христианской веры перед лицом современного им Разума.

Пусть субъективно русские мыслители могли быть настроены против духа новоевропейской философии, могли выступить за монистическую христианскую философию (программу построения подобной философии пытался — без особого успеха — набросать В.Ф. Эрн), могли даже оспаривать истины посленьютоновского естествознания (о. П. Флоренский, А.Ф. Лосев) — все равно они объективно оказывались последователями теории двойственной истины (с чем, разумеется, никогда не согласились): для них одновременно и, как правило, не пересекаясь существовали два мира — мир христианского Откровения и мир новоевропейской науки и философии. И их основной целью, требовавшей огромных интеллектуальных усилий, было показать единство этих миров, доказать, что параллельные прямые таки пересекаются в одной точке, и вера предков оказывается оправданной перед строгим судом современного знания. Но дуализм оказывался неискоренимым, а искомый результат известен заранее, так что многие блистательные труды философов серебряного века представляют собой задачи с заранее известными решениями.

Открывая труды Димитрия Панина, мы оказываемся в совершенно ином мире — едином и живущим и развивающимся по законам, данным Творцом. Естественные (равно как, впрочем, и общественные) науки раскрывают в меру возможностей дарованного Богом человеку разума эти законы, познавая тварный мир и через него Творца. Мир этот докантовский и додекартовский (хотя в то же время постэйнштейновский и постборовский), и аналогия здесь возникает разве что со св. Фомой Аквинским, кстати со вниманием изучавшимся Д.М. Паниным (См.: Теория густот, Москва, изд. Мысль, 1993, с. 41, 42, 43, 59, 81, 82, 115, 116 и др.).

Так что же? Может быть Панин — консерватор? Что-то вроде Жозефа де Местра ХХ века? Станный, однако же, это консерватизм, стремящийся не сохранить наличное состояние (против современной ему нигилистической мысли, равно как и бесчеловечной социальности Панин яростно восставал), но восстановить давно забытое. Если это консерватизм, то что же тогда новаторство (если понимать под последним нечто серьезное, а не умственное фиглярство)? «Свое родство и скучное соседство мы презирать заведомо вольны».

Так где же искать исток мысли Панина? Ответ на это дает книга «Лубянка — Экибастуз», заставляющая вспомнить «Жи-

тие» протопопа Аввакума. Герой этих записок предстает человеком, сознательно избравшим путь сопротивления безбожному и бесчеловечному режиму; и опираться этот выбор мог лишь на одно — веру в Бога. Вера позволила не только выжить физически, но и сохранить себя духовно, более того создать себя как Личность со своим глубоко личностным мировоззрением. Игнорируя экзистенциальную основу мысли Панина, неизбежно впадешь в соблазн идеологизировать ее. Но как раз идеологом Панин не был. Он всего навсего попытался всерьез отнестись к учению Вселенской Церкви и, опираясь на него, построить всеобъемлющую систему, охватывающую и философию, и естественные науки, и мораль, и социологию. Отсюда и своеобразные позиции Панина, его несхожесть с мыслителями нашего времени, в том числе и христианскими*. Отсюда и трудная судьба его книг, до сих пор не оцененных по достоинству. Ведь одинокие мыслители обречены на непонимание современников. И в самом деле: философы не согласятся с тем, что философии Панин отводит роль служанки богословия, теологов не может не смутить нетрадиционность и смелость его богословствования**, для либералов неприемлемы острейшая критика западного либерализма, интеллигенции и ее роли в истории России, защита цензуры, крайний моральный ригоризм, сочувствие к Франко и Пиночету, почвенники не простят отсутствия даже намека на так называемую русскую идею***, признание исторической вины русского народа в событиях 1917 года, критики «мифа о Святой Руси» и славянофильской идеализации русского народа****, симпатии к сионизму, принятия католичества.

* Некоторыми чертами Панин напоминает Честертона, но он гораздо серьезнее, и его труды абсолютно лишены присущего Честертону игрового отношения к жизни; это и не удивительно: российский жизненный опыт XX века не располагал к шуткам.

** В приложении к книге «В человеках благоволение» даны положительные отзывы на труды Панина о. А. Шмемана, о. А. Меня, кардинала Дондейна, но это высказывания, данные вне контекста; однако уже предисловие С.С. Аверинцева к «Теории густот» и рецензия на эту книгу Ю.А. Шрейдера («Вопросы философии», 1994, № 5) содержат, при общей позитивной оценке, примечательные оговорки.

*** Панин как подлинно христианский мыслитель не мог не понимать, что национальный мессианиззм не совместим с христианством; странно, что этого не понимали творцы русской религиозной философии.

**** Этим Панин выгодно отличается от своего соллагерника Солженицына, во многом духовно близкого ему.

Личность, труды и мысли Панина навсегда останутся примером стойкости человеческого духа и веры в Бога. Следует в то же время поставить вопрос об их значении для нашего времени, для конкретной культурно-исторической ситуации, которую мы сейчас переживаем.

Хотелось бы выделить четыре момента в построениях Панина, представляющих особую важность, и сопоставить их с реалиями современной России..

1. Абсолютный приоритет религиозных ценностей в политической и социальной сфере. Разительным контрастом этому требованию является циничное использование религии политиками в своекорыстных целях и соучастие в этом вышших церковных иерархов.

2. Связанный с предыдущим принцип абсолютности моральных норм. В свое время Ленин провозгласил: нравственно все, что выгодно рабочему классу. И сейчас большинство политиков следуют этому ленинскому завету, подставляя на место рабочего класса то русский народ, то державу, то рынок, то еще что-нибудь.

3. Неразрывная связь свободы и порядка. «Христианство — религия высокой свободы. Она способна из слабого сделать сильного и сформировать рыцарей духа, неуклонно выполняющих волю Спасителя и подчиняющих ей свою жизнь. Но при отходе христианина от заповедей Спасителя свобода превращается в своеволие и произвол, сила и доблесть тонут в сделках с совестью, низких и грязных поступках и других грехах, и происходит процесс самоуничтожения человека. Если же весь народ изменяет христианским этическим законам, то он по своей воле подкладывает себе мину замедленного действия» («В чловеках благоволение», с. 155). Непонимание того, что свобода без ответственности, в том числе без ответственности перед Творцом, вырождается в произвол, в свою очередь приводящий к установлению тирании, является, к сожалению, константой русского политического сознания. Поэтому усвоение мыслей Панина было бы особенно полезным.

4. Признание единства мира и отказ от попыток в очередной раз избрать для России особый путь развития. Религия и мораль неделимы. Россия исторически принадлежит к миру христианской цивилизации и всякое обособление ее гибельно.

Книги Панина представляют страстный призыв ко всем людям доброй воли («созидателям») противостоять хаосу, на-

силию, в конечном счете глобальной катастрофе, грозящей людям. И есть надежда, что призыв этого «рыцаря веры» будет услышан.

ХАРТИЯ БОРЬБЫ

(Димитрий Панин о противлении злу)

«... не мир пришел Я принести, но меч»

(Мф. 10.34)

Когда знаменитого греческого мудреца и чудотворца, Аполлония Тианского, спросили: «как, Аполлоний, должен беседовать мудрец?», он ответил: «Как законодатель. Ведь долг законодателя — давать людям наставления, в правильности которых он сам убедился».

Именно так беседует с читателем Панин — без ложной скромности, которая для философа есть синоним ханжества. Именно так, подобно законодателю (ибо он устанавливает правила нравственного поведения), формулирует Панин и свои принципы людей доброй воли: *Magister dixit* — «так сказал учитель»... Мы рассмотрим некоторые из них, определяющие право на борьбу и выбор средств для достижения поставленной цели, в свете религиозного сознания.

Преимущество Панина перед другими мыслителями в том, что он строит свое учение, формулирует свои принципы, исходя из *универсальных законов природы* и, в частности, из открытого им в 1950 году *Закона движения вещей*. Любое отвлеченное его положение становится осязаемым, доказуемым и жизненным на гранитном основании этих фундаментальных законов.

Руководствуясь этими незыблемыми божественными законами и провозглашает Панин свой *пятый принцип людей доброй воли* — *право на борьбу за лучшее будущее*. «Жизнь людей,— говорит он,— представляет собой развитие множест-

---

* Мы сочли нужным ознакомить читателя со статьей покойного писателя В. Чернявского, посвященной аспекту творчества Д. Панина, не затронутому в докладах конференции ИМЛИ.

ва единств, образованных из борьбы противоположностей... Запрет борьбы приводит к прекращению развития. Рабство начинается там, где людей лишают права на борьбу... Согласно универсальным законам природы, борьба заполняет жизнь людей. Следовательно каждый человек имеет на нее право» («Мир-маятник», 1977, с. 19). А двумя строчками выше Панин напоминает о том, что Христос — великий образец борьбы со злом с помощью сил добра, и от нас требуется то же. Право на борьбу — это и есть пятый панинский принцип людей доброй воли, который приобрел под его пером силу и выразительность лозунга. Принцип, вытекающий из евангельского: «Царствие Небесное силою берется...» (Мф. 11.12)...

Следующий, *шестой* принцип логически следует из предыдущего и служит как бы его развитием. Это принцип цель определяет средства. Его правильное понимание и практическое применение исключительно, принципиально важно для успешной, эффективной борьбы с насилием...

«Христос показал нам,— пишет Панин,— что великие цели достигаются применением наиболее совершенных средств борьбы... Достижение любой цели согласно законам развития требует образования активного единства средств и цели. Чем сложнее цель, тем совершеннее должны быть средства для ее достижения... Для достижения благородных целей следует применять только безупречные средства» («Мир-маятник», с. 20). Казалось бы ясно?... То же самое примерно утверждал и Паскаль: «Насилие никогда не шло на пользу истине».

А через несколько столетий Ганди призывал: «... не забывать о значении применяемых средств, даже если преследуемая цель справедлива, ибо средства управляют целью и меняют ее». Будучи сторонником вечных, установленных свыше нравственных принципов, стремясь, подобно Панину, морализировать политику, Ганди тоже оперировал такими «устаревшими» понятиями, как *храбрость, любовь, справедливость, правдивость*, вытекающие из его учения об ахимсе — непричинении вреда людям. Ганди неустанно напоминал человеку о том, что он должен слушать свой *тихий внутренний голос* — голос совести, голос Бога в своей душе. Но Ганди (оставляя в стороне конфессиональные различия) не выводил своих религиозно-этических постулатов из универсальных законов природы, и это было его слабостью. Вот почему, где Ганди поставил бы точку, Панин лишь делает паузу и продолжает: «Цель

определяет средства. При применении неадекватных средств нельзя достигнуть поставленной цели или она превращается в иную». Этот принцип имеет силу закона природы и широко практическое применение. Согласно закону движения вещей любое явление происходит вследствие разности густот. Любая цель представляет определенную густоту частиц, которая образуется при преодолении сопротивления. Необходимые для достижения цели средства (густоты), с помощью которых можно образовать разности густот, должны быть правильно выбраны. Чтобы достигнуть более сложной цели, следует применить более совершенные средства».

Отсюда закономерный вывод, подкрепленный предыдущими научными аргументами: «Если всеобщее счастье человечества предполагают достичь такими средствами, как подавление личности, террор и другими им подобными, то заранее можно сказать, что эти средства приведут к тирании и рабству. Абсолютно ошибочно широко распространенное мнение, что «цель оправдывает средства». Любой человек, знакомый на собственной шкуре с результатами установления большевистской диктатуры в России, обеими руками подпишется под этими словами Димитрия Панина.

Паскаль, мысль которого мы привели выше, утверждал метафизическую истину, которую предлагалось принимать, так сказать а priori, сообразуясь с данными собственного разума, интуиции, опыта, знаний. Панин же, провозглашая анлогичную истину, основывается к тому же на данных современной науки и собственных выводах и открытиях. Вот почему его нижеследующие «метафизические» утверждения звучат как непреложный закон, как научная аксиома: «Вышеуказанный принцип (цель определяет средства), говорит он,— доказывает, что:

— подвиги, доблесть, благородное отношение к людям (в частности, благородное отношение к женщине) — высшее проявление разумного начала (своего рода разумный эгоизм; поступая так, порядочный человек может уважать себя — В.Ч.), а не только выражение высокого строя души;

— рост и широкое распространение благородства, честности, порядочности тесно связаны с процветанием, обилием счастья и поражением зла» (там же, с. 21).

В этой связи напомним, что согласно учению Панина, *благородство души есть первый этический принцип людей доброй воли.* Аргумент, к которому прибегает при этом Панин, представляется нам уникальным и неотразимым. В «Тео-

рии густот» Панин говорит, что при изучении триединства Бога (Теория густот, Париж, 1982, с. 108) он пришел к следующему выводу: «...развитие единств из положительных величин разных уровней приводит к благу. Эти единства обязательно должны пребывать в силовом поле того же знака. Применительно к объединениям людей доброй воли это означает, что:

— взаимодействие и борьба противоположностей в таких единствах, как правило, проявляется в благородных поступках:

— следует удалять из единств всех, кто не способен к благородным формам борьбы, то есть тех, кто запятнал себя низкими поступками;

— одинаковый положительный знак единств требует единомыслия в центральных вопросах».

«В будущем, — оптимистически заключает Панин, — согласно этому принципу (то есть принципу благородства души — В.Ч), будут создавать общественные учреждения».

Многим (не говоря уже о тех, кто составляет единства всевозможных лжепартий и лжецерквей) последнее покажется наивной утопией и они просто посмеются, а в лучшем случае скажут: «Мечтатель!». Что ж, мечта, тем паче на крыльях знания, помогает заглянуть в будущее. Панин — человек *действенной мечты*, и, если он кажется иногда утопистом, то лишь потому что он, «романтик», опередил свое сугубо прозаическое время. Панин серьезен, он очень серьезен, и отнюдь не витает в эмпиреях. Просто, как все подлинно большие люди, он подчас выглядит «ребенком», ибо чист сердцем, и это одна из самых привлекательных и трогательных его черт (а ведь недаром сказано, что *чистые сердцем* Бога узрят)... И устами вот таких «младенцев» глаголет истина.

Если бы мир имел мужество и разум прислушаться к таким, как Панин, всем нам легче было бы выкарабкаться из трясины лжи и порока. И если заблуждения повторяются столь часто, тем чаще надо повторять истины, как это ни банально звучит...

* * *

Центральный вопрос затронутой нами религиозно-этической темы борьбы у Панина — *вопрос о правомочности и вариантности применения силы против насилия*. Это едва ли не краеугольный камень проблемы противления злу. Раз-

личные мыслители решали ее по-разному. Как же подходит к ней Панин? Прежде всего, как он определяет само понятие насилия?

«Насилие, — формилирует он, — это произвольное применение силы по преступным мотивам для угнетения, вопреки законам, освященным Церковью и традициями. Применение разумной силы обычно связано с любовью, насилие — с ненавистью и злобой» (Там же, с. 22). Так из пятого (право на борьбу) и шестого (цель определяет средства) принципов людей доброй воли Панин выводит *седьмой* — *сила против насилия: «Чтобы одержать победу над системой насилия, — рассуждает он, — следует применить средства, которые должны быть более совершенными, чем средства врага, и во всяком случае им не уступать»* (с. 22). По словам Панина, этот принцип следует применять «при нападении любых насильников... против любых заговорщиков и захватчиков, в оборонительных и освободительных войнах» (Там же, с. 22). И он добавляет, что, применяя разумную силу, надо стремиться к победе, используя «дозволенные, а в идеале только благородные средства борьбы».

Говоря о том, что верующий вправе употребить силу против насилия, даже (при крайней необходимости) вооруженную силу, Панин, на евангельских примерах, доказывает, что Христос вовсе не отрицал ее применения. Как Бог Он «знал законы мироздания в полном объеме и потому был великим реалистом». Он «подтвердил заповедь «не убий», но не сказал «не воюй». Те, говорит Панин, кто спокойны, когда льется кровь невинных жертв, гораздо дальше от Христа, чем те, кто помогают бедствующим, рискуя своей головой» (Там же, с. 24). И далее он дает собственное толкование Христовой заповеди: «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую...» (Мф. 5.39).

Как известно, исходя из ложного понимания этой заповеди, Лев Толстой выступил с проповедью непротivления злу насилием, которая сбила с толку немало людей и ослабила силу их сопротивления большевистской диктатуре в будущем. Даже духовно близкий Толстому Ганди иначе понимал эту проблему, провозгласив не только пассивное сопротивление насилию, но и — при необходимости — *активное неповиновение*. Ненасилие, по мысли Ганди, — не трусливая покорность. Чтобы осуществить его, требуется, как сказал бы Панин, предельное сгущение воли, всех душевных сил человека.

«Быть бесстрашным по завету Спасителя» — таков восьмой принцип людей доброй воли у Панина. «Ненасилие есть вершина храбрости», — заявлял Ганди. В статье «Доктрина меча» он подчеркивал: «Я твердо убежден, что, если бы оставался лишь один выбор между трусостью и насилием, я рекомендовал бы насилие. Я скорее предпочел бы, чтобы Индия прибегла к оружию для защиты своей чести, нежели чтобы она из-за своей трусости оказалась или осталась беспомощной жертвой своего собственного бесчестия. Но я считаю, что ненасилие несравненно выше насилия...».

Это высказывание Ганди лишний раз свидетельствует о том, насколько великие религии близки в своих исходных и центральных пунктах. Живи Ганди в России, подвергшейся оккупации не английскими «джентельменами», а большевистскими варварами, он был бы еще более радикальным в своих выводах.

Ошибка же Толстого состояла в том, что, борясь с порочной практикой официальной Церкви, ставшей служанкой неправого государства и отступившей на практике от евангельских истин, он, стремясь защитить эти истины, перегибал в полемическом задоре палку. Он толковал вышеупомянутую заповедь буквально. Между тем, как справедливо замечает Панин, «в заповеди речь идет об оскорблении, а не об убийстве, и христианин имеет право вступить в бой, когда на него нападают... Спаситель вовсе не требует, чтобы человек безропотно сносил удары, и разрешает ему вести благородную борьбу. Человек может подставить вторую щеку под удар, но когда его сердце проткнуто ножом, у него не появится другое» (Там же, с. 24).

И далее Панин рассматривает принципиально важный для религиозного сознания вопрос об убийстве как крайнем проявлении насилия. По формуле Панина, убийство — «это лишение человека жизни с помощью насилия». Убийство Панин считает одним из тяжчайших преступлений, наказание за которое должно быть максимальным. «Недопустимо уничтожение заложников, военнопленных. Любые формы террора должны быть заклеяны». «Смертная казнь равноценна убийству и поэтому должна быть отменена. В настоящее время она еще применима при особо тяжких преступлениях» — уточняет Панин в примечании. «Отнять жизнь у человека допустимо лишь при крайних обстоятельствах и только в открытом бою, то есть когда обе стороны подвергаются смертельной опасности. В этом случае происходит не убийство, а смерть в борьбе

(во время стычки, поединка, войны); борьба ведется открыто, смертельной опасности подвергаются обе стороны, которые знают на что идут и имели возможность заранее подготовиться; взаимная борьба представляет для обеих сторон преодоление огромного сопротивления (образование доблестного духа)» (Там же, с. 25).

* * *

Трудно переоценить значение всех этих выводов для тех, кто размышляет о путях и способах борьбы с насилием, особенно в его тоталитарной форме. Думается, Панин дал единственный правильный, в духе библейских заповедей, ответ на этот «больной» вопрос (недаром солдаты Кромвеля шли в бой с Библией в руках!)... Для сравнения: выдающийся философ русского религиозного возрождения начала этого века, С. Франк, подходил к данной проблеме, казалось бы с аналогичных позиций. В своей книге «Свет во тьме» он писал, что «... возможны — и в принципе даже неизбежны — положения, в которых совершение греховного действия — даже такого, как убийство ближнего, — перед судом неподкупной и подлинно непредвзятой христианской совести должно быть признано грехом, неизмеримо меньшим, чем бездействие и пассивное отношение к мировому злу и страданию, определенное желанием соблюсти нравственную чистоту своей личности». И далее, развивая подспудно мысль Достоевского о солидарной моральной ответственности за зло, царящее в мире, Франк добавляет, что «мерилом правильности или совершенства поведения в отношении жизни в мире является не чистота или безгрешность действия, а только его необходимость для наиболее эффективного ограждения мира от зла»...

Внимательный читатель сразу же отметит некоторую ущербность мысли Франка (при сравнении с мыслью Панина), при верности его общей посылки. Так, в отличие от Панина, он не конкретизирует свою мысль, говоря об убийстве, и более того, как это видно из контекста, называет им, в сущности, то, что таковым не является. Кроме того, он считает, что «убивая», то есть противясь злу насилием в его крайней форме, человек теряет «нравственную чистоту своей личности», совершая греховное действие. (Достоевский более последователен. В «Братьях Карамазовых», например, есть известный диалог между Иваном и Алешей (гл. «Бунт»). На вопрос Ивана, что бы он, Алеша, сделал с неким генералом,

который «в наказание» затравил гончими дворового мальчика («Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять?»), этот человеколюбец, почти святой, отвечает без запинки: «Расстрелять!». Объективно, несмотря на проповедь смирения и страдания, в Достоевском торжествовал воинствующий дух...

В этой связи хотелось бы подчеркнуть именно *воинствующее* истолкование Паниным заповедей Господних. Когда вы читаете Панина, вас овеивает дыханием героев. Панин постоянно как бы полемизирует с теми, кто воспринимает христианство прежде всего как религию рабства и смирения, дряблой покорности и бессилия, мистического созерцания и квиетизма. (Именно так, к слову, воспринимал христианство, усвоив его прежде всего в православном аспекте, оригинальный русский мыслитель В. Розанов говоря, что Христос «обессилел» мир, что это учение — «какая-то нищета имущества, тела и духа». Примерно то же говорил и Ницше).

Панин же, точно воскрешая времена раннего христианства, постоянно делает упор на героическом деянии («Средоточием раннего христианства было действие». Мартин Бубер). Он неустанно указывает на то, какое огромное значение для людей доброй воли имеет все, что содействует появлению «высокого сгущения духа», ибо именно от доблестных людей зависит защита «гражданских свобод и достаточная стабильность общества». Остальным же он напоминает, что «путь полного упорядочения жизненных проблем — путь малого сопротивления, связанный с измельчанием людей и забвением воли Бога». Он подчеркивает, что Царство Божие слагается из людей, обретших его в своей душе, и их будет тем больше, чем больше будет духовное влияние Церкви. Причем процесс преустройства мира, по справедливому мнению Панина, должен совершаться одновременно с процессом переустройства человека, а не опережать его, как это случилось — на горе всем — в СССР...

* * *

Итак, мы проанализировали некоторые из принципов людей доброй воли, согласно учению Димитрия Панина. По его собственным словам, эти принципы предназначены для тех, кто «не обольщается химерами и хочет строить жизнь на прочных основаниях мироздания, ... возмущен произволом, насилием, подлостью, обманом, коварством, низкими способа-

ми борьбы, сделками с совестью и злом,... ищет смысл жизни и способен постичь или постиг необходимость выполнения людьми воли Бога» (Там же, с. 11).

Но эти принципы, бесспорно, вызовут ярость у больших и малых служителей зла, у людей посредственных, не способных к позитивным, творческим решениям, у тех, кто попал в силки лжеучений, у тех, кого Достоевский устами Дмитрия Карамазова с презрением окрестил «бернаррами» (по имени физиолога Клода Бернара, подходившего к человеку с упрощенно-материалистических позиций).

Те же, повторяю, кому по пути с людьми доброй воли, воспримут *Принципы* Дмитрия Панина как подлинную *хартию борьбы с мировым злом*.

ОБ ОТНОШЕНИИ Д. М. ПАНИНА К МОНАРХИИ

Панин — христианин и это наверное самое главное в его мысли. Центр системы Панина — христианская вера, и это тот стержень, на который нанизывается все богатство его мысли, все многообразие компонентов его системы. У него глубоко личное отношение к Христу, которого он называет обычно Спасителем. Это любимое имя Господа Иисуса Христа у простых русских людей. В прошлом веке очень многие называли Христа Спасителем. И можно утверждать, что все в системе Панина соотносится с этим основным: Панин — христианин. Он этого не скрывает, он не ищет никаких компромиссов с другими религиями. Он не пытается изготавливать какой-то винегрет из христианства, ламаизма, буддизма и т.д., как иные в наше время в силу уже одного того, что они не имеют духовной почвы. Попытки религиозного синтеза свидетельствуют только о внутреннем бесплодии тех, кто их предпринимает, о деградации современного культурного человечества.

Мысли Панина о монархии, о которых я хочу напомнить, основываясь прежде всего на его книге «Держава созидателей», тоже тесно связаны с его христианской верой. Сама книга относится к рискованному жанру политико-социального проектирования. Тот, кто осмеливается на опыты такого рода может действовать из разных побуждений. Некоторые утверждают, что в такой-то стране, например, в России, должно быть так, потому что так во всех остальных цивилизованных странах. Уже слово «цивилизация» вызывает отвращение у тех, кто имеет дело с нашей нынешней печатью, тем не менее оно продолжает склоняться во всех падежах. Другой путь — путь чисто теоретического конструирования: должно быть так, потому что мне так нравится; должно быть так, потому что я пришел к выводу, что это самое разумное и самое правильное для всего человечества. Панина не следует упрекать в том, что он идет по этому второму пути, ибо на самом деле он

идет по иному пути. Его проект, несмотря на явную декларативность, тезисарность, отсутствие в некоторых случаях разработанной системы доказательств, относится к разряду проектов, которые основываются на изучении истории. В этой стране должно быть так, потому что такой путь указывает вся ее тысячелетняя история и потому что, стоя на этом пути, страна принесла самые значительные духовные плоды, потому что именно этот путь соответствует духу, соответствует характеру этого народа. На мой взгляд, именно таковы основные мотивы проекта Панина. Он говорит о необходимости установления во всяком обществе созидателей самодержавной монархии. Это не просто какая-то абстракция. Он обращается к опыту русской истории. Причем надо сразу сказать, что монархия не идеальная форма. Панин — реалист, и он не ищет идеала в исторической реальности; в ней он ищет только приближения, большего или меньшего, к идеалам.

Наиболее приближенной к его идеалу монархии ему представляется не та монархия, которая была в России до февраля 1917 года, а та, которая была до октября 1905 года. Он говорит о том, что парламентарная реформа была проведена в 1905 году под нажимом разрушительных сил слишком поспешно, что она оборвала естественный ход эволюции России. Но в том проекте, который предлагает Панин, мы находим очень многие черты именно того государственного строя, который был в России до 1905 года: никаких выборных парламентов, никаких политических партий, строгая цензура. Сейчас мало, кто из нас помнит, что цензура в 1905 году была фактически отменена, и только в каких-то отдельных особых скандальных случаях, в случае оскорбления религии или оскорбления величества, цензура просыпалась и реагировала на то, что происходило в печати. Основываясь на этой классической просвещенной монархии, как выражается сам Панин, не делая особых различий между монархией самодержавной восточного образца и абсолютной монархией, он и предлагает воссоздать русскую государственность. Он говорит о тесной сопряженности традиционной монархии и христианства. Он говорит о том, что император в России являлся таким же центром единения, каким в Западной Европе был Римский Папа, до тех пор, пока папы реально имели власть над духовной жизнью общества. Я ссылаюсь на государственное устройство (глава 11) и на «Катастрофу в России 1917 года», краткое исследование о причинах и о ходе революции в России в Дополнении. Панин показывает себя защитником тради-

ционной русской государственности и не жалеет резких слов для бичевания тех, кто ее разрушил. А этими разрушителями были не столько большевики и другие крайние партии, которые вышли на авансцену уже на втором этапе русской революции, а более умеренные силы и даже многие из тех, кто был близок к трону. Вот Панин вспоминает военный 1916 год как светлое запредельное видение: «Приютские девочки в голубых шапочках и пелеринках стоят чинно рядами и молятся в церкви. На углах чисто подлметенных московских улиц, с которых убран снег, стоят городовые. По мостовой идут строем солдаты. По тротуару тоже проходят одиночные солдаты, козыряя встречным офицерам. Арбат весело сияет множеством огней. По обочинам дороги стоят извозчики и зазывают седоков...». Когда в 1917-ом наступила «свобода», впечатления у шестилетнего ребенка были уже иные: «Городовые исчезли. Снег не убран, грязь, шелуха от семечек под ногами... На одном из сугробов талого рыжего снега на Театральной площади застреленная собака. Студенты с красными повязками на руках пытаются заменить полицию: бегают, разговаривают срывающимися голосами. Мама хочет выбраться из толпы, но на злые лица извозчиков смотрит с опаской: «Еще убьют!...». Много солдат на улицах, но вид у них не солдатский, а какой-то нахальный» (с. 251).

Приведу несколько цитат из книги Панина «Держава создателей», в основе концепции которой противопоставление двух человеческих типов: создателя и разрушителя.

«В течение веков деятельность разрушителей упорно была направлена на сокрушение монархической формы правления и христианства. Эти цели были ловко спрятаны за громкими фразами о правах человека и гражданина, неприкосновенности личности, участии в управлении страной...». «При абсолютной монархии или самодержавии достаточно трудно было плеяде разрушителей пробраться к рычагам власти. Однако за последние три века верхушка аристократов, сановники и министры тайно вошли во франкмасонские ложи, и их предательство способствовало свержению монархии. Так была устранена монархия во Франции в 1790 году и организован заговор в 1917 году против монархии в России».

«Парламентаризм в себе самом вынашивает своих могильщиков (коммунистическую партию, очаги террористов)». «Образцовая английская система правления такова, что у горстки разрушителей полный простор, чтобы дурачить и толкать простых создателей в направлении, враждебном интересам наро-

да». «Недодуманное и ложно воспринятое понятие свободы связывает исполнительную власть по рукам и ногам, да к тому же налицо боязнь общественного мнения, заигрывание с темной частью избирателей и прочие прелести парламентаризма. В XIX веке в Англии приговаривали к виселице за карманную кражу, а ныне людоедам-террористам создают самые комфортабельные условия в тюрьмах... Такие порядки совершенно не подходят нам, созидателям». «Всеобщая декларация прав человека... представляет собой вершину законодательной западной мысли XX века. Однако за заманчивым фасадом скрыты капканы для созидателей. Права человека можно было бы принять с благодарностью, если бы человечество состояло из одних созидателей. Но поскольку разрушители действуют согласно своей природе, эти права, не гарантируя безопасности созидателей, поощряют невольную деятельность разрушителей и облегчают им завоевание мира».

«Парламентаризм должен быть заменен самодержавной монархией с законами, освященными христианской традицией...».

«Природой созидателя объясняется его склонность к вдумчивому, тщательному отбору в противовес скороспелым, механическим, лишенным основательности демократическим выборам... Отбор и соборность... исключают предвыборную агитацию с ее обещаниями вредных или невыполненных мероприятий, представляющих собой узаконенный подкуп избирателей, сделки, обман, разжигание ненависти».

В государстве, которое проектирует Панин,— в «монархии созидателей» — «политические партии, официальная оппозиция и антиправительственная печать... категорически запрещены. Ибо созидатели должны захлопнуть лазейки для разрушителей и лишить их возможности сеять смуту и вносить разложение».

«Мыслители, навязавшие человечеству демократическую парламентскую форму правления, были исполнены страха и недоверия к исполнительной власти. Отсюда разделение власти на три независимые власти..., установление за печатью прав, превышающих права президента, и без того урезанные конгрессом, несменяемость Верховного суда, имеющего права монарха. На всем этом лежит печать давления разрушителей».

«За «обезьянство» ложных западных устроений наш народ заплатил своим порабощением, массовым истреблением и вырождением» (с. 102-105, 114, 117, 120).

Панин зовет к простой реставрации. Он хочет улучшить строй «просвещенной монархии» внесением в него профессионального корпоративизма, причем корпорации должны быть главным элементом самоуправления, и самыми весомыми и авторитетными в этом строе будут специалисты.

В оценке русской трагедии Панин во многом созвучен Солженицыну, автору исторической эпопеи «Красное колесо». Но о Царе Николае II Панин говорит с такой любовью, с таким целомудренным благоговением и в то же время с такой спокойной объективностью, что романисту можно было бы и поучиться у своего старого друга.

Мне хочется пожелать нашему несчастному народу, чтобы он прислушался к замечательному мыслителю, который ныне возвращается к нам в своих творениях. И я надеюсь, что слово Панина будет звучать все громче и громче и будет вести к пробуждению России, к ее восстановлению, к ее оздоровлению.

* * *

Вопрос: Есть ли связь «Державы созидателей» с работой Тихомирова о государственности?

Ответ: У меня такое впечатление, что Панин совершенно самостоятельно пришел к своим мыслям, хотя аналогии напрашиваются, конечно, сами собой. Аналогия с Тихомировым. А во многих местах можно видеть перекличку с таким теоретиком и практиком русского консерватизма как Победоносцев. Я думаю, что это была бы очень интересная тема для дальнейших исследований.

ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ ДИМИТРИЯ ПАНИНА

Возвращение Панина в Россию происходит, с одной стороны, на фоне очевидно неудавшегося, хотя и ожидавшегося многими, православного возрождения. С другой стороны, Д.М.Панин является не только интереснейшим явлением в истории русской религиозной мысли последних десятилетий, но и одной из едва ли не самых маргинальных фигур «третьей волны» и российской эмиграции. Попытаюсь связать эти темы и, быть может, это поможет нам приблизиться к пониманию роли Панина в современной религиозной ситуации в России.

История Церкви, условно говоря, всегда делилась на два больших периода: на эпоху «христианства торжествующего» и историю «христианства гонимого». Спецификой Российского православия являлось то, что в его истории никогда не было гонений на веру, на Христа, не было и адекватного им опыта мученичества и исповедничества. Русское православие унаследовало от Византии торжествующее христианство в его наиболее законченном, «имперском» виде, что делает русский религиозный опыт своеобразным как по его историко-философской ментальности, так и по тем духовным ориентирам, по тем «светильникам» и «маякам», которые это русское религиозное сознание для себя выбирало.

«Христианство торжествующее» по своему определению предполагает уже завершенную христианизацию тех стран, в которых оно «торжествует», и поэтому оно достаточно индифферентно к так называемым «горизонтальным» задачам Церкви, основной из которых, безусловно, является проповедь своей веры.

При фактической решенности проблемы миссии духовным стержнем этого христианства становится его «вертикаль», духовным идеалом — монах-подвижник, взыскующий в тишине сердца своего Царство Божие и своей самоотверженной аске-

зой не дающий забыть христианскому миру о его «надмирной» природе, не дающий ему секуляризоваться.

В условиях «христианства гонимого» — другие маяки, другие ориентиры. Здесь более актуален опыт апостолов, мучеников и миссионеров. К сожалению, в XX веке в России, в нашем православном — и что самое печальное — в нашем церковном сознании произошла подмена этих ориентиров, случилось то, что можно сейчас назвать некоей «духовной шизофренией». Легальная Церковь была остановлена властью как «незаконное инакомыслие» и в условиях «гонимого христианства» должна была вести себя так, как если бы она находилась в условиях «христианства торжествующего», будучи полностью исключенной (или самоисключенной) из этой «горизонтальной» плоскости своего бытия.

А мы живем, как при Екатерине,

Молебны служим, урожай жнем... (А. Ахматова. «Подорожник»)

Вместо активного сопротивления воинствующему злу, вместо необходимой проповеди Евангелия, постепенно выработалась идеология возможности союза Христа и Велиара с явными признаками вырождения церковной организации в некую буддистко-спиритуалистическую секту с достаточно выраженной психологией гетто.

Редукция духовной жизни христианина приобретает фатальные размеры. Храм — место соборной молитвы — подменяет собой весь религиозный опыт прихожан. (Появляется даже панегирический термин, введенный В.Никитиным, характеризующий русскую духовность — «храмовая культура»).

Священник вне зависимости от своих личных достоинств начинает «замещать» собой старца — появляется так называемый православный «попизм», следствием которого является теологически необоснованная самоотдача свободной воли прихожанина человеку в рясе. Патриарх в обыденном религиозном сознании становится нечто средним между монархом и этнархом с четко выраженными элементами непогрешимости. Православная интеллигенция всерьез начинает отождествлять православную доктрину с исихазмом, как это убедительно показывает в своих статьях С. Хоружий.

На уровне религиозного диссидентства — не менее печальная картина. Чувствуя всю фальшь официального примиренчества, диссиденты являлись представителями уже третьей генерации советских людей; для них тоталитарный монстр

был той привычной данностью, которую ни один из них и не пытался перебороть. Это явление можно назвать «конформизмом нонконформистов». Как следствие — героизм ради героизма при полном отсутствии реальной подвижнической работы по разрушению системы и изначальное неверие в успех собственного дела. При всех своих безусловно позитивных сторонах этот героизм приводил к весьма негативным результатам. Люди, еще вчера защищавшие права верующих или издававшие православные журналы, заявляли на судах о своей лояльности к богоборческой власти или же просто отрекались от своего движения. И не потому что это было некое сознательное «предательство» — просто весь социальный язык, вся их советская ментальность говорила им: «плетью обуха не перешибешь». И это было последнее и окончательное послание нашего религиозного диссидентства *inibi et orbi*.

Дмитрий Панин советским человеком не был. Он безусловно «выпадает» из этого пласта «религиозных диссидентов». Со своим страшным шестнадцатилетним опытом коммунистических тюрем и лагерей он принадлежал к «малому стаду» христиан действующих, не верующих ни в союз Христа с Велиаром, ни в «полную и окончательную победу» воинствующего зла в одной отдельно взятой стране. И, по-моему, нигде не формулируя, он очень тонко понимал суть духовных подмен в современном ему религиозном сознании. Так, будучи консервативно мыслящим социальным мыслителем, он тем не менее остается чуждым любой форме религиозного пессимизма, будь то мифу о святой Руси или идеализации славянофильства. Нельзя не согласиться с отцом Валентином Асмусом в том, что Панин в своем социальном творчестве приходит к консервативной идее сам, как мыслитель конца XX века, и даже — как футуролог, мысля при этом вполне реалистически и рационально.

Кто является для Панина идеалом христианина в условиях «христианства гонимого»? Рыцарь. Ибо, чтобы просветить коммунистическую Россию светом Евангелия недостаточно было быть только миссионером, нужно еще было уничтожить то социальное зло, ту систему, которая в зародыше подавляла возможность любого религиозного возрождения. Когда Панин говорит о «втором крещении Руси», он также декларирует абсолютно очевидную и необходимую для России идею, которая, к сожалению, многими воспринималась как наивный романтический утопизм. И, конечно, понимая миссию христианства в современном мире, как миссию рыцаря, он сам подчи-

няет этой задаче духовного и социального освобождения все силы творчества, всего себя. В историографии — это борьба с пассеизмом и развенчивание убаюкивающих совесть мифов, в политике — безусловный примат христианских ценностей над секулярными, в науке — попытка соединения физики с метафизикой, или иначе говоря, попытка создания христианской науки, в лингвистике — создание так называемого «языка предельной ясности». Если мы сравним язык «Лубянки — Экибастуз» и язык «Теории густот», то увидим, что этот не совсем привычный язык его философских и натурфилософских эссе вовсе не случаен — он сознательно упрощен, ибо по замыслу должен быть доступен всем, кто хочет понять истину, кто хочет бороться со злом.

Панин остается реалистом и в вопросах церковной политики. По приезде на Запад он публикует ряд статей о положении Церкви в СССР и о наличии там катакомбной Церкви, не подчиняющейся Московской патриархии. Принятие Паниным католицизма и одновременно его консервативный русский патриотизм следует рассматривать как поиск русского мыслителя, который мог многим увлекаться, во многое верить, но как только он видел изъяны своего идеала (как это было, к примеру, с католичеством) — всегда отходил в сторону и печатно об этом заявлял.

Мне кажется, что именно эта специфика религиозного менталитета и определила судьбу Панина — «маргинала» в среде русской эмиграции. «Инакоговорящие» не могли принять «инакодействующего». «Юрисдикция» было трудно принять честный поиск честного человека. Для «Карловацкой» русской православной Церкви Зарубежья человек однажды увлекшийся католицизмом и принятый самим Папой — отрезанный ломоть, отступник. Для секулярной же науки безумна сама идея связи физического и метафизического.

«Механика на квантовом уровне» — чистая наука; «Постулаты марксизма и законы природы», лекции прочитанные в Канаде в Кингстонском университете, — блестящая апологетика; «Теория густот» — религиозная натурфилософия. Наука и христианская философия Панина адресны, то есть интересны и актуальны настолько, насколько интересна и актуальна любая религиозная натурфилософия, имеющая своего читателя. Русское религиозное сознание в целом давно индифферентно к естественнонаучным изысканиям и как бы повторяет вслед за Иоанном Златоустом: «Что мне рассуждать о небе, когда я сам восхожу на небо и сам становлюсь небом». Худо это или

добро, но так или иначе религиозная натурфилософия Панина не более безумна, чем безумен спор между Феофаном Затворником и Игнатием Брянчаниновым о природе ангелов или же рассуждения Иоанна Дамаскина о тверди небесной. Если выстраивать ряд мыслителей, который Панин должен замыкать, то на мой взгляд его предшественниками должны быть не Вернадский, Федоров или Флоренский, а средневековые философы с их не только монистским, но и синтетическим мировосприятием, при котором Бог, человек и природа мыслятся в неразрывной связи — в духе и смысле Книги Бытия и предначинательного псалма православной вечерни. Следует также отметить, что как русская, так и западная религиозная мысль в последние полтора века касательно проблем науки твердо идут по пути «апофатического креационизма». У Панина креационизм также играет заметную роль, особенно в апологетике, однако его философия по средневековому «катопатична» — он воистину хочет найти «следы присутствия Божия» как в мире, так и в человеке.

Многих в «Теории густот» эпатирует глава о душе. Но в этой главе нет ничего необычного. В православной аскетике, как и в любой иной медитационной системе, давно известна таинственная и глубокая связь телесного и духовного в человеке, и не один подвижник благочестия советовал своим духовным детям при занятии Иисусовой молитвой «спускаться в сердце», ощущать в нем «тепло» и т. д., мысля при этом не чисто абстрактными или спиритуалистическими, а именно «трансфизическими» категориями. Рассуждения Панина о душе находятся в русле этих традиций. Его «модель души» представляет собой не более чем кальку «Теории густот», наложенную на последние известные ему знания в области физики, биологии и медицины и на глубоко личный, «экзистенциальный» мистический опыт. Поэтому он и преподносит читателю свою теорию априори, не поясняя свою гипотезу. Как можно объяснить и доказать кому-то свой личный духовный опыт?

Говоря о Панине, нельзя говорить о нем как о православном или католическом философе. На мой взгляд вообще нельзя говорить ни о какой православной философии (разве что о социальной философии, но это скорее как о различных «провизантийских» или «антивизантийских» политических доктринах). Православным или католическим может быть только богословие. Философия не может быть христианской или же нет. Поэтому Д. М. Панина можно характеризовать и исследовать

довать как русского религиозного философа, рассуждающего при всей безусловно русской специфике его работ на общехристианские темы. Против этого христианского универсализма в «Теории густот» он грешит лишь дважды: рассуждая о догмате непорочного зачатия Девы Марии и о миссии «наместника апостола Петра» в христианском мире.

В заключение хочу отметить, что в наше смутное время, когда христианство в России уже не гонимо, но и не торжествует, а все более и более отходит от решения своих евангельских задач, жизненный пример Панина, его духовный подвиг становится все ближе и понятней для мыслящей части православной интеллигенции.

А земные перегородки, как известно, до неба не доходят.

БУНТ ПРОТИВ МОРАЛИ И ВОССТАНИЕ ПРИРОДЫ

Работа Дмитрия Панина «Созидатели и разрушители» (Париж, 1983 г.) посвящена целому ряду общечеловеческих проблем, актуальность которых все более и более актуализируется по мере приближения к концу текущего тысячелетия.

Разделив человечество на «созидателей» и «разрушителей», Панин с неизбежностью касается характера современного кризиса человечества, сущность которого, на мой взгляд, совершенно не изменилась несмотря на окончание холодной войны.

Действительно, если речь идет о данной книге, в чем видел Панин проявление этого кризиса?

Во-первых, в расползании террора, в том числе и индивидуального, по всему земному шару. Это «расползание» по-прежнему продолжается, иногда только меняются его формы.

Во-вторых, в грубом нарушении этических законов (как на уровне государств, так и на личном уровне).

Этому моменту Панин придает фундаментальное значение. Он пишет: «Только этический контроль в масштабе всего мира способен остановить его одичание и погружение в бездну».

Этический контроль, как известно, не существует и до сего времени, тем более в планетарном масштабе: везде господствует двойной стандарт, стремление к доминированию и подчинению слабых, извлечение выгоды для себя за счет других...

Так, в марте 1993 года я принимал участие в общеевропейской конференции в Париже на тему «Небо Европы» (т.е. пространство Европы, включая Россию). На меня произвел глубокое впечатление доклад Паскуале Бандьера, президента Международной федерации прав человека. Надежды европейской интеллигенции — говорил Бандьера — на то что после завершения холодной войны в мире восторжествует демократия и гуманизм, не оправдались. Насилие, политические амбиции, обман, жажда доминирования по-прежнему господству-

ют над миром. Видимо, зло, присущее всему миру, имеет глубокие корни.

Другим явлением усугубляющим кризис, Панин считает всеобщее духовное оскудение и снижение роли религии в современном обществе. Эта ситуация непосредственно связана с нарушением этических законов, о которых говорилось выше. Особо подчеркивается им значение Церкви. Панин пишет: «Разрушительная деятельность гуманистов, ересиархов, вольнодумцев, философов в угоду людским слабостям и дурным правителям преследовала общую цель: «освободить» человека, сняв с него как можно больше стеснительных запретов и наговорив ему кучу приятных вещей, вопреки словам Церкви, неизменно подтверждаемым жизнью, о греховной природе человека».

Следует остановиться и на феномене, который Панин охарактеризовал как «словесный террор». Речь идет о «плюрализме», но таком плюрализме при котором свобода слова используется по каналам массовой культуры и пропаганды для манифестации наиболее низких инстинктов человека, проповеди насилия, издевательства над моралью и т.д. Свобода тогда оборачивается свободой низшего начала, способной затопить духовное в людях, и превращается таким образом в антисвободу, в деспотизм «темного дна» в человеке.

Другая сторона кризиса — разъединение людей. Об этом много написано на Западе. Эти исследования сводятся к тому, что бесконечная конкуренция, индивидуализм без берегов приводит к «атомизации» общества, которое существует уже не как некое единство, а как сумма отъединенных, борющихся за свое социальное существование личностей, по сути равнодушных или враждебных друг другу.

Вполне можно добавить, особенно имея в виду «духовное оскудение»; что массовый человек в таком обществе становится свободным, но от собственной высшей сущности. Он становится свободным от бессмертия, но несвободным по отношению к смерти. Ибо, по наблюдениям и западных исследователей, затаенный страх перед смертью и отождествление себя только со своим телесным существованием — давно стало архетипом внутреннего поведения и психологической жизни людей «атомизированного» общества. И Панин замечает, «разъединение людей и словесный террор развивают трусость в хороших людях, а те у кого дурные наклонности, пополняют ряды каинов... люди отвыкли защищать то, что считают

правильным, идут на сделки со своей совестью, приспособляются к царящему мнению».

И Панин убедительно пишет в своей работе о состоянии современного воспитания: «в ведущих западных странах школьники курят, употребляют наркотики, начинают половую жизнь с ранних лет, срывают занятия... Стало возможным избить учителя или пырнуть в него ножом. Учитель вынужден подлаживаться к ученикам, дабы не потерять свою работу. Религия изгнана из школы. Окончивший современную школу имеет много шансов стать уголовным преступником».

Свобода следовательно превращается в своеволие — это, как известно, предрекал еще Достоевский. Несомненно, свобода, тем более в общественной жизни, в творчестве, в науке, свобода совести наконец — являются абсолютно необходимым условием нормальной жизни. Но речь здесь идет о нарушении баланса, особенно касательно массового сознания, когда свобода трансформируется в свою противоположность.

Панин предлагает в качестве противоядия объединение людей доброй воли («Общество независимых»), которое будет бороться за мироустройство, основанное на этических принципах. Однако, он считает, что «промедление смерти подобно» и что положение остается весьма драматичным.

Таким образом, Панин приходит к выводу, что главенствующая тенденция в современной истории носит разрушительный характер, и, если этому не положить конец, гибель нашей цивилизации (как коммунистической, так и западной) более чем вероятна.

В заключение, я хотел бы особо подчеркнуть проблему взаимодействия человека и природы, ибо антиэтическое отношение человека к природе не менее губительно, чем аморализм внутри общества, хотя на первый взгляд это не так очевидно.

К сожалению, здесь в качестве разрушительной силы выступают не только аморализм и эгоизм безграничной эксплуатации природы ради сиюминутной выгоды, но и незнание тех тайных законов, которые находятся вне компетенции естественных наук, но о которых хорошо знали древние.

Если нарушение «равновесия» в природе и воздействие на нее негативной стороны психической жизни человека достигнут такого уровня, когда так называемое «восстание природы» против человека станет неизбежным, то человечеству не позавидуешь. Сразу станет очевидным предел возможностей естественных наук, все суммарное знание которых не сможет

сколько-нибудь эффективно противодействовать казалось бы «бессознательным» силам природы и космоса.

Как против смерти, так и против землетрясений, глобальных наводнений и т.п. — наука бессильна. К тому же, дело в этом случае может не ограничиться «обычными» катастрофами, пусть и многочисленными, а пойти гораздо дальше. В будущем вполне возможно возникновение качественно иных катастроф, о сути которых современное человечество не имеет никакого представления.

Все это, если такое «восстание» случится, неизбежно приведет к кардинальному изменению психологии масс, которые потеряют веру в стабильность материального мира и станут открыты для «нового средневековья» или для принципиально иных мировоззрений, немыслимых в эпоху веры во всемогущество естественных наук и в устойчивость физического мира (который в действительности как раз наименее устойчив из всех возможных миров).

Следствием этого могут быть огромные социальные и политические изменения на нашей планете и вторжение в ее жизнь таких факторов, которые не существовали на протяжении ее предыдущей истории.

О ТЕОРИИ ГУСТОТ И ЕЕ АВТОРЕ

С личностью Д.М. Панина наш читатель впервые познакомился в романе А.И. Солженицына «В круге первом», где автор изобразил Панина в лице одного из собеседников главного героя романа, товарища по «шарашке» — Сологодина. И первая (мемуарная) книга Панина, написанная вскоре после его приезда в Париж, появилась в печати на Западе под именем Сологодина. Эта книга, изданная впервые в 1973 году, опубликована у нас под название «Лубянка — Экибастуз» (М., «Скифы», 1991). В ней описан крестный путь, который был пройден Паниным в годы его шестнадцатилетнего заключения, причиной которого было внутреннее неприятие Паниным событий февраля-октября 1917 года, осознание им (уже в возрасте 26 лет) их трагических и губительных последствий для народов России.

Д.М. Панин (1917-1987) происходил из семьи, принадлежавшей к кругу московской интеллигенции. Его отец был адвокатом, присяжным поверенным, потомком старинного стрелцкого рода. Мать Димитрия Михайловича (происходившая из дворянского рода Опряниных) была натурой глубоко религиозной. После 1917 года она стала приверженцей гонимого большевистскими властями патриарха Тихона.

Как «лишенец» Д.М. Панин долгое время не мог поступить в университет. Лишь в 1932 году, после нескольких лет работы на цементном заводе в Подольске, он смог стать студентом Московского института химического машиностроения. После окончания его Панин был оставлен в аспирантуре для подготовки к научной деятельности. Однако в 1940 году, не успев защитить диссертацию, он был безвинно арестован. Так началась его многолетняя и мучительная лагерная одиссея.

В тюрьмах и лагерях Д.М. Панин не оставлял научной работы. Глубоко интеллигентный и разносторонне образованный человек, он был также человеком смелой, свободной мысли и большого нравственного мужества. Итоги своей работы над богословскими, философскими, экономическими, пол-

итическими и нравственными вопросами, а также над проблемами квантовой физики и механики, над которыми он горячо, пытливо и заинтересованно начал размышлять в годы студенчества и которыми продолжал заниматься в течение всей своей позднейшей жизни, постоянно углубляя свое понимание этих вопросов и внося в решение их новые поправки, Панин изложил в своих многочисленных трудах, отразивших его научные и нравственные искания. Это — «Как провести революцию в умах в СССР» (1973), «Вселенная глазами современного человека» (1976), «Мир-маятник» (французское издание — 1974; русское — 1977), «Механика на квантовом уровне» (1978), «Теория густот» (1982), «Созидатели и разрушители» (1983), а также неоконченная рукопись «Держава созидателей» (1987); главы из последней — незавершенной — работы, а также другие названные труды Панина кроме двух наиболее фундаментальных исследований «Механики на квантовом уровне» и «Теории густот» вошли в 1991 году в сборник произведений Д.М. Панина «В чело́веках благово́ление. Философия. Социология» (М. «Обновление», 1991). Почти все работы Панина переведены на французский и другие языки и получили за рубежом широкую известность. Во Франции еще в 70-е годы возникла ассоциация «Друзья Димитрия Панина», издающая журнал «Выбор» (Le Choix) на французском языке с русским приложением. Сегодня пришла пора издать в России и те два его труда, которые сам он считал главным делом своей жизни — «Теорию густот» и «Механику на квантовом уровне», — а также «Державу созидателей».

«Теорию густот» Панин охарактеризовал в подзаголовке как «опыт христианской философии конца XX века». Работа эта имеет синтетический характер. Она наиболее полно выражает совокупность идей Панина — блестяще одаренного русского мыслителя XX века, глубоко преданного своей родине и народу.

Придавая особое значение «Теории густот», которую он считал главным своим философским трудом, Панин, издавший ее впервые в Париже в 1982 году в кратком изложении, продолжал работать над ее совершенствованием и дополнениями к ней до самого конца жизни. В 1990 году «Теория густот» была в полном виде издана вдовой Панина на французском языке в ее переводе. Ею же подготовлен был по рукописям автора текст полного издания «Теории густот» на русском языке (М. «Мысль», 1993), в которое внесены новые дополнения.

Первая и основная особенность «Теории густот», определяющая оригинальность этого труда Панина и место его в истории русской религиозной философии XX века, состоит в том, что, в отличие от книг Лосского, Бердяева, Булгакова, Франка, Ильина и других представителей русской религиозной мысли 1900-1940 годов, книга эта написана естествоиспытателем, физиком (точнее — механиком) по специальности. Правда, крупнейшим естествоиспытателем и экспериментатором был и П.А. Флоренский. Однако его религиозные и философские труды имеют, прежде всего, богословский, нравственно-философский и историко-культурный, а не естественнонаучный характер. Д.М. Панин же, будучи глубоко религиозным человеком, оставаясь верен христианскому вероучению и провозглашенной Вл. С. Соловьевым идее единой вселенской Церкви (объединяющей христиан разных конфессий, в первую очередь,— католиков и православных), стремится обосновать идею божественного происхождения мира и христианское вероучение, опираясь на идеи физики XX века — в том числе на теорию относительности А. Эйнштейна и учение о квантах М. Планка.

Идеи новейшей физики, учение о квантах способствовали выработке основополагающей для «Теории густот» идеи густоты, положенной Паниным в основу его философской системы. Мир — с точки зрения Панина — является сложной совокупностью физических и трансфизических объектов, одни из которых обладают большей внутренней плотностью, а другие — большей внутренней разреженностью. С представлением о взаимодействии различных густот связаны — по Панину — основополагающие понятия физики и биологии — пространство, время, движение, развитие и т.д. При этом мир (или вселенная) построены, в понимании Панина, строго рационально. В строении как элементарных физических, так и трансфизических частиц нет места случайности — поражающей нас всякий раз, когда мы погружаемся в изучение электрона, атома, молекулы, гена или любой другой частицы окружающего нас мира, а также в изучение существ растительного и животного царства, человеческого организма, движения и взаимодействия планет и т.д.,— везде ум человека наталкивается на поразительную внутреннюю сложность, целесообразность, пригнанность одной части к другой. А это приводит, согласно мысли Д. Панина, к неоспоримому выводу о существовании Бога — «первопричины вещей вселенной». Он «создал по своему замыслу исходное сгущение, которое опре-

делило миры и их дальнейшее развитие». Ибо «образование планеты земли, возникновение жизни, эволюция живых существ,— утверждает Панин,— требуют предельного совершенства творческой Густоты» (гл. 7).

С понятиями густоты и кванта Д.М. Панин связывает основные законы развития вселенной: закон «единства борющихся противоположностей» («сгущения или разрежения взаимодействующих густот»), законы перехода количества в качество и качества в количество и закон «отрицания отрицания». При этом Панин полагает, что «любое явление происходит вследствие разности густот» и что «все изменения в микромире происходят от большей густоты к меньшей» (гл. 2).

«Связь между Богом и людьми осуществляется,— согласно представлениям автора «Теории густот»,— посредством универсальных законов природы». Будучи «Законодателем и Инженером», «Творцом физического и трансфизического мира», Бог творит «в пустоте». Вселенная же является его «лабораторией», ибо «всеведение» совмещается у Бога «со сложнейшим исследованием» — необходимым условием «создания изумительной и многогранной природы и существ со свободной волей». И хотя их действия «часто противоречат Его рекомендациям», «Бог не насилует свободную волю созданных им существ», предоставляя им свободу выбора между Добром и Злом, «и тем самым не прекращает их развития» (гл. 8-9).

Опираясь на сформулированное в первых двух частях Теории густот учение о мире и его Творце, Панин строит далее на этой основе в третьей и четвертой ее частях свое учение о человеке и обществе. В учении о человеке он в известной степени возвращается к философии Лейбница, утверждая, что «душа сконструирована из трансфизических частиц» и что центром ее является «монада божественного происхождения». Исходя из этих положений, Панин в приложении к «Теории густот» дает резко полемическую (не во всем справедливую) критику учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Опираясь на учение о борьбе густот как определяющем начале душевной жизни, борьбе, при которой совершение добрых поступков неизбежно наталкивается на внешнее и внутреннее сопротивление и требует нравственных усилий для его продолжения, Панин строит также свое этическое учение — о борьбе Добра и Зла в жизни общества и каждого отдельного человека. Для решения же вопросов гносеологии он пользуется также рядом представлений современной кибернетики.

Особое значение в условиях нашей сегодняшней жизни имеют взгляды Панина на общество, его учение о формах власти, стремление построить соответствующую современному уровню производства политическую экономию на энергетической основе. Еще в 1973 году Панин предвидел неизбежность «революции в умах» в СССР. Отвергая политическое насилие, он считал, что государство, сложившееся в нашей стране после 1917 года, имело тоталитарный характер и должно быть исторически неизбежно заменено другой формой общества, основанной на частной собственности, рыночных отношениях, уничтожении всевластия административно-бюрократической системы с присущим ей постоянным, каждодневным применением насилия по отношению к каждому члену общества в политической, правовой и нравственной сфере. Рассматривая политический строй бывшего СССР как синоним политического насилия и бесправия, Панин считал необходимым для ликвидации их не применение новых форм политического насилия, а «революцию в умах», которая должна объединить «людей доброй воли» разных политических взглядов, религий и национальностей в общей творческой работе над созданием общества, построенного на основе принципов частной собственности, свободного предпринимательства, соблюдения идей религиозной и нравственной справедливости. Критикуя идею, положенную Марксом в основу первого тома «Капитала», — о том, что единственный источник прибавочного продукта (и соответственно — прибавочной стоимости) — труд рабочего, Панин — в соответствии с историческими условиями XX века — указал на то, что в XX веке основным источником создания стоимости стал овеществленный труд — машины, информатика, широкое применение автоматических линий, а также постоянное совершенствование производства на основе новых научных открытий, изобретений и технической рационализации производственных процессов.

Панин — вполне русский человек, испытывающий большую гордость за великое прошлое своей страны и ее культуры. В то же время он высоко ценит роль науки и культуры Запада. И однако и то, и другое не мешают ему не только решительно выступать против идей национальной исключительности, любых проявлений великодержавного имперского национализма и шовинизма, но и критически относиться к современному западноевропейскому «обществу потребления». Осуждая бесперспективность всех форм политической и религиозной нетерпимости, Панин вместе с тем отвергает любой

социальный и политический утопизм, признавая высокое этическое значение в определенных социально-исторических условиях политического и морального сопротивления. Он осуждает также наивный и бесстрастный пацифизм, признавая большое значение для общества поддержание духа воинской чести, доблести и благородства.

Разумеется, не все идеи и научные гипотезы Панина могут быть признаны одинаково убедительными. Инженер, физик и бесстрашный моралист по истокам своих воззрений, он судил обо многих вопросах религии и философии с точки зрения эмпирической науки и здравого смысла. Ряду его рассуждений свойственны поэтому известная рационалистичность, на них лежит подчас печать схематизма и отвлеченности — неизбежный результат того, что умственная работа Панина долгое время протекала в условиях лагеря, где он находился в почти полной умственной изоляции. В частности, с физической точки зрения недостаточно конкретно и центральное для философской концепции Д.М. Панина понятие «густоты». А его попытка истолковать рассказ Ветхого Завета о семи днях творения путем согласования его с данными современной науки вряд ли удовлетворит представителей религиозной мысли нашего сегодняшнего дня. Тем не менее книга Панина, при всей спорности отдельных суждений автора, не может не вызвать глубокого восхищения благородством, честностью и бескомпромиссностью мысли ее автора. Повсюду в ней бьется горячая, живая и напряженная творческая мысль, зовущая читателя пройти вместе с ее создателем путь духовных исканий Панина, чтобы приобщиться мыслью и сердцем к его столь живым и своевременным сегодня для всех нас идеям о значении христианства для наших дней, его гипотезам и размышлениям о настоящем и будущем России и всего мира.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПУСТОТЕ И ТЕОРИЯ ГУСТОТ ПАНИНА

В предисловии к Теории густот Сергей Сергеевич Аверинцев пишет, что мало, кто может сказать, что он все понял в Теории густот. Не все понял и я, получивший естественно-научное образование и вооруженный, как почти все в недавние времена, самой «передовой» марксистско-ленинской философией. Более того некоторые вещи в физике, не применимы даже для человека, искусственного в истории физики. Кое-что очень пунктирно обозначено. От Иссы Яковлевны Паниной, вдовы Димитрия Михайловича, знаю, что он хотел обсуждать свою теорию, спорить со своими оппонентами. Увы, не произошло это при жизни автора Теории густот. Очень жалко, что, нет его с нами, потому что очень много есть концепций, по которым действительно хочется спорить и искать истину.

Бесспорно, чтение Теории густот вызывает большой интерес. На меня глубокое впечатление, в первую очередь, произвела часть о физической реальности, которую Димитрий Михайлович называет густотами микромира и макромира. В меньшей степени я заинтересовался соображениями Панина о трансфизических явлениях. Повторяю: Теория густот производит глубокое впечатление. С чем это связано? Я попытался сразу по прочтении отдать себе отчет и мне пришла на память выдержка из статьи нашего ведущего специалиста в области квантовой электродинамики Моисея Александровича Маркова. Цитирую по памяти: «должны же когда-нибудь эти четыре типа взаимодействия прийти к единой основе в нашем понимании». Имеются в виду слабое и сильное, гравитационное и электромагнитное взаимодействия, которые пока для теоретиков имеют разную природу. Иначе так и хочется воскликнуть: Господи, для чего тебе эти четыре формы? И, может быть, главное, что для специалиста в области естественных наук при чтении Теории густот возникает ясная простая концепция. Причем все сводится в основном к двум характеристикам: к большей или меньшей плотности или густотности.

И я бы не сказал, как говорили у нас раньше, что это какой-то метод философский, вооружившись которым можно дальше к явлениям действительности подходить. Я бы сказал, что эта концепция корнями уходит в историю физики, в историю человеческих знаний, то есть скорей можно сказать, что это — попытка познания глубинных свойств материи, действительности, как физической, так и трансфизической. Это глубинное понимание свойств действительности и производит большое впечатление при чтении Теории густот. Почему я и подчеркнул, что она корнями уходит в историю физики, в историю нашей философии, начиная с натурфилософии древних греков. Когда человек пытается осмыслить, найти глубинные свойства действительности, он обращается к широкому спектру явлений и естественно, что до него были такие попытки. Если эта теория действительно имеет какие-то основания в реальности физических экспериментов в других концепциях, естественно, что она должна была приходиться в голову и другим. В истории понятий натурфилософских в античное время, затем в концепциях многих мыслителей в эпоху раннего христианства и даже средневековья и эпохи Возрождения, мы можем назвать целый ряд работ, как философских, так и естественнонаучных, в которых можно встретить элементы этих концепций Панина — как из его Теории густот, так и из его Механики на квантовом уровне. Конечно, этому было бы интересно посвятить может быть отдельный симпозиум или семинар. На самом деле идеи, связанные с густотами, встречаются по крайней мере с 6 века до Р.Х., еще в трудах Анаксимена. Анаксимен считал, что все происходит из сгущенного или разреженного воздуха: земля, вода, огонь, и из них прочие тела. Более того, тепло и холод у Анаксимена представляют собой сгущение и разрежение воздуха. При достаточном разрежении, говорил Анаксимен, воздух может превратиться в огонь, а сгущенный воздух дает начало воде и земле. Я не хочу проводить аналогию. Важна идея с учетом, конечно, уровня знаний. Так же, как Теория Панина современная молекулярно-атомистическая теория имеет совершенно другую научную базу, чем гениальные догадки Левкиппа, Демокрита и других древних атомистов. Эти корни только подчеркивают фундаментальность того к чему пришел Дмитрий Михайлович. Интуитивные догадки древних греков и других мыслителей как раз были связаны с тем, что несмотря на ограниченные знания, они очень глубоко проникали в природу вещей. Очень интересно, что уже спустя век в работах Дио-

гена Апполонийского появилась и другая важная черта умозрительных натурфилософских размышлений, близкая работам Панина. Это переход от материального к сверхчувственному, от вещественного к сфере тонких паров, которые уже имеют душу. Вот, что писал Диоген Апполонийский: «воздух есть душа, поэтому он одарен жизнью и разумом. Воздух как начало всех вещей и необходимости есть вечная неразрушимость субстанции. В то же время как душа он необходимо одарен разумом». Из истории физики мы помним, что дальше эта идея, сама сфера воздуха, эфира, неосязаемая, незримая, как бы наталкивала на то, что это и есть та область, где от материально-чувственного происходит переход к сверхчувственному, как тогда говорили, трансфизическому. Это можно встретить в работах Лукреция, Тертулиана, Августина, Джордано Бруно и многих других мыслителей.

Я хочу выделить одного мыслителя, у которого очень многое как раз перекликается с Теорией Панина. Это Декарт. Я не буду говорить, поскольку не специалист, о картезианской религиозной философии, где повидимому можно тоже найти много аналогий. Что касается теории эфира Декарта с его частицами материи разной тонкости, с их вихревым режимом, то тоже, не ссылаясь подробно на мысли Панина и Декарта, я могу сказать, что обоим этим мыслителям свойственен был очень близкий подход к эфиру, к густотам частиц как физической, так и трансфизической среды.

Еще более явственно сгущение-разрежение у великого физика Роберта Бойля. Он говорил не об эфире, а о тонком веществе. Даже не все историки физики знают в отношении Бойля, что в своем обращении к эфиру, к среде тонких паров, он был последователен. Иногда, вообще, отказывался об этом говорить, употреблял слово «измышляем», но потом в работах упоминал характеристики эфира. Кандидат физико-математических наук Смирнов на основании воспоминаний современников утверждает, что Бойль в конце своих работ пришел к тому, что считал, что все, что происходит в эфире так или иначе связано с Богом и боялся, что эта мысль — еретическая. Он так и не заявил открыто, что в эфире осуществляется этот переход. Любопытны на этот счет соображения Панина в Механике на квантовом уровне и в Теории густот.

Я ограничусь этим экскурсом в историю и хочу еще раз сказать, что мысль Панина очень интересна. Читая его работу я понял, что он не имел возможности ознакомиться со всеми новейшими работами по современной физике, по квантовой

электродинамике, релятивистской физике, но тем не менее он очень тонко их чувствовал. Он во-первых отталкивался от предистории. Он сам поставил, видимо, задачу, чтобы в основах его Теории густот резонировала новая физика. Поэтому он так внимательно относился к механике на квантовом уровне. И действительно то, что он писал о пустоте в Механике на квантовом уровне удивляет своим точным проникновением в существо и проблемы современной физики. Вот как он определял субстанцию пустоты: «субстанция пустоты представляет собой застывшее движение, способное при определенных условиях проявлять свою сущность в виде колебаний и бросков». Действительно это в духе современного понятия физического вакуума, то есть вроде бы пустоты. Но в то же время, как Панин пишет, при отсутствии реальных частиц существует система полей. Есть электронные, позитронные поля без электронов и позитронов, электромагнитное поле без фотонов, квантов-носителей, образующих такие поля. Поэтому мне кажется, что дальнейшее обращение физиков и тех, кто занимается такими методологическими проблемами современной науки к работам Панина было бы очень благотворным.

РАБОТЫ ПАНИНА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

Разрешите остановиться на некоторых идеях работ Дмитрия Михайловича Панина, непосредственно относящихся к физике или, более широко, к естествознанию, к науке вообще.

В естествознании есть общие идеи, вечные идеи, которые можно проследить на протяжении всей истории естествознания с античных времен. Они каждый раз возникают, может быть, в некотором новом освещении, но они никогда не исчерпываются до конца. И каждая эпоха приносит как бы свой взгляд на эти вечные проблемы, вечные вопросы. Эти вечные вопросы пронизывают и работы Дмитрия Михайловича.

Одной из таких проблем является проблема дискретности, атомизма, квантованности, которая пронизывает все естественнонаучное мировоззрение тоже с незапамятных времен.

Об этом очень хорошо в свое время сказал известный американский физик Ричард Фейнман в своем курсе лекций по теоретической физике:

«Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это — атомная гипотеза (можете называть ее не гипотезой, а фактом, но это ничего не меняет): все тела состоят из атомов — маленьких телец, которые находятся в непрерывном движении, притягиваются на небольшом расстоянии, но отталкиваются, если одно из них плотнее прижать к другому. В одной этой фразе, как вы убедитесь, содержится невероятное количество информации о мире, стоит лишь приложить к ней немного воображения и чуть соображения».

И в фейнмановских лекциях действительно показывается, развертывается значение этой идеи атомизма, идеи квантованности.

По существу то же самое можно усмотреть и в работах Димитрия Михайловича Панина, когда он настойчиво, все с новой и новой убедительностью, показывает, что эта идея дискретности, идея квантованности, пронизывает все окружающее, что из нее действительно очень многое вытекает.

При этом, конечно, надо отдавать себе отчет в том, что восприятие тех или иных идей очень часто зависит от терминологии, от того, насколько она привычна или непривычна. Достаточно вспомнить исторические примеры. Скажем, когда Ньютон вводил свои основные аксиомы, принципы натуральной философии, то есть математические начала естествознания, он предпослал изложению постулатов, аксиом, законов естествознания некоторые определения. Одним из этих определений было определение массы. Как определял Ньютон массу? Это — плотность, умноженная на объем, на пространственный объем. В современной физике — во всяком случае у нас в стране в середине XX века — такое определение вызвало довольно бурную дискуссию. Ее участники считали, что тут у Ньютона концы с концами не вяжутся, что он допустил здесь какую-то непонятную небрежность — «порочный круг». Как, дескать, мог он положить в основу плотность, а не саму массу, и определять массу — более первичное понятие — через плотность, которую обычно принято определять просто как отношение массы к объему?! Что это такое? На самом деле допущенная Ньютоном терминологическая небрежность, непоследовательность? Или у него была какая-то более глубокая идея? Великий Ньютон был достаточно глубоким мыслителем, и, конечно, это не было какой-то случайной небрежностью. Почему он исходил из плотности? Кстати, это примерно то же самое, с чем мы встречаемся затем в соответственно обобщенном виде в «Теории густот» Д. М. Панина: ньютоновская плотность — это густота, или пространственная плотность частиц, составляющих рассматриваемые материальные (массивные) тела. Для Ньютона плотность, взятая им за исходное понятие, — это просто число универсальных по существу корпускул (атомов, неделимых), находящихся в данном месте. И поэтому, естественно, саму массу он определял — с точностью до соответствующего универсального размерного коэффициента пропорциональности — именно как плотность,

умноженную на рассматриваемый объем. Для него тут не было вопроса, не было проблемы. И такой подход, вообще говоря (с более высокой точки зрения), вполне оправдан, вполне допустим. Но он требует вникнуть в терминологию автора.

Очень часто работы с оригинальной авторской терминологией, которая выходит за пределы общепринятой, долгое время вообще никак никем не воспринимаются, пока кто-то не сделает их по-своему заново. Однако делает это сам тот, кто может делать. А кто сам ничего самостоятельно сделать не может, тот, как неоднократно отмечалось в научно-популярной литературе, обычно учит других. Так вот, те, кто учат других, но не воспринимают терминологию того, кто делает сам, оказываются в тупике: они или превратно толкуют рассматриваемую авторскую работу, или просто не воспринимают ее.

История естествознания содержит многие примеры оригинальных и ценных работ, непонятых современниками и надолго преданных забвению. Хорошо известно, что, когда появились работы Максвелла по теории электромагнитного поля, они были очень трудны для восприятия. И, может быть, лишь считанные люди в Англии и на континенте могли хоть как-то воспринять эти работы и по-настоящему прочувствовать или осознать их значимость. Среди этих немногих ценителей был некий Хевисайд, не имевший специального образования, но получивший его самостоятельно. Он приобрел труды Максвелла на книжном развале, по-настоящему их освоил и начал продолжать соответствующие исследования по максвелловской теории электромагнитного поля, но писал свои работы в совершенно не свойственном тогдашнему официальному научному миру стиле. Его работы, насыщенные оригинальной терминологией, с многочисленными собственными определениями и весьма громоздкие по объему, практически мало кем читались. Хотя они содержали целый ряд впервые полученных им новых ценных теоретических результатов.

Один из таких результатов — теоретический расчет излучения, возникающего при движении электрического заряда со скоростью большей скорости света. Расчет, проведенный задолго до фактически неожиданного экспериментального открытия соответствующего излучения Вавилова — Черенкова и до его последующего естественного теоретического объяснения Таммом и Франком. В 1958 г., когда С. И. Вавилов уже скончался, П. А. Черенков, И. Е. Тамм и И. М. Франк,

сотрудники Физического института Академии наук СССР, получили за свои работы по эффекту Вавилова — Черенкова Нобелевскую премию.

Лишь постфактум кое-кто из физиков «вспомнил» о работе Хевисайда, выполненной задолго до того. Кстати, соответствующие труды Хевисайда хранились в библиотеке ФИАН, но оставались там даже неразрезанными, то есть никем не прочитанными. Конечно, он, производя свой расчет до создания теории относительности, еще не знал, что заряд может двигаться быстрее излучения лишь в материальной среде, а не в пустоте, и, соответственно, не учитывал дисперсию возникающего излучения по длинам волн, но во всем остальном его расчет один к одному предвещал то, что сделали затем Тамм и Франк.

Тот же Хевисайд внес существенный вклад в математику, создав операционное исчисление задолго до его последующего обоснования и полагая при этом, что фактически правильное оперирование соответствующими расходящимися бесконечными рядами является более существенным, чем строгое математическое доказательство возможности и правильности такого оперирования.

Имея в виду подобные исторические примеры, а также систематическое развитие естествознания и происходящие время от времени радикальные преобразования научных парадигм, следует особенно внимательно относиться именно к таким работам, которые, по крайней мере на первый взгляд, не укладываются в прокрустово ложе принятой в настоящее время естественнонаучной парадигмы.

Еще один момент, который мне хотелось бы отметить. В науке, в научной литературе и в литературе более широкого плана очень большое значение имеет не только терминология, но и сам стиль, язык. Хорошо известно, что в свое время научные сочинения Галилея тоже были непривычны. Он впервые использовал для их изложения живой обыденный повседневный разговорный итальянский язык вместо принятой тогда среди ученых строгой латыни, которая как бы отделяла абстрактную науку от реальной жизни. Однако это были настоящие научные произведения, которые в конечном счете воспринимались и воспринимаются как существенный вклад в естествознание.

Надо сказать, что вообще наш язык (часто даже независимо от нас самих, то есть от тех, кто его использует и воспринимает) таит в себе нечто большее, чем мы непосредственно

вкладываем в него. В нем уже с самого начала как бы содержатся издавна возникшие и остающиеся вечными некоторые древние общие идеи. Так, например, если касаться русского языка, то нельзя не обратить внимание, в частности на то, что, скажем, в основе теории относительности лежит связь событий, происходящих в мире, то есть эта теория интересуется не просто бытием отдельно, или бытием, взятым само по себе, а именно со-бытиями — совместным проявлением разных событий. И вот достаточно просто навести некоторую корреляцию, связь между различными со-бытиями, как появляется необходимость в основных постулатах теории относительности. Таким образом, это как бы заложено уже в самом языке. Это более естественно, чем разрывать связь пространственно-временных событий в пространстве и во времени. То же самое имеет место и с таким понятием, как сознание, или буквально — со-знание, которое по существу отражает не просто индивидуальный разум отдельно взятого человека, т.е. вовсе не только его собственное — личное — знание, а именно связь данного индивидуального знания с неким общим, по крайней мере коллективным, если не всеобщим — Высшим — знанием. Поэтому, имея дело со всевозможными материальными и духовными пространственно-временными со-бытиями или рассматривая феномен со-знания, нельзя искусственно отрывать все это от Вселенной в целом. Идея Димитрия Михайловича о том, что материя и дух взаимосвязаны, что их принципиально нельзя разрывать между собой, — это очень глубокая идея, которая тоже относится к числу вечных проблем, над которыми каждое поколение постоянно работает, пытаясь дать более или менее удовлетворительный, окончательный с его точки зрения, с точки зрения данного поколения, ответ на вопрос, который продолжает мучить нас и по настоящее время.

Не могу не остановиться, хотя бы очень кратко, на собственном опыте исследования и решения этой проблемы.

Если придерживаться строго корпускулярной квантовой точки зрения и в основу всего видимого мира (или вообще в основу реальности) положить вполне детерминированные системы всевозможных — эталонных и производных — фундаментальных структурных элементов Природы (материи) на всех возможных последовательных основных уровнях ее естественной самоорганизации, начиная с исходного физического или, точнее, даже собственно физического уровня, то на нем в качестве таких фундаментальных структурных элементов

выступают элементарные лептоны и субэлементарные кварки и антикварки всех поколений, включая прежде всего исходное — эталонное — электронное поколение, причем именно из соответствующих субэлементарных кварков и антикварков конструируются все надлежащие квазиэлементарные субстанциональные частицы и античастицы (всевозможные мезоны и адроны, в том числе нуклоны атомных ядер любого вещества или антивещества).

При переходе от физики к химии на химическом или, точнее, первом переходном физико-химическом уровне соответствующими фундаментальными структурными элементами являются атомы всевозможных химических элементов, то есть всевозможные атомные химические элементы, включая прежде всего определяющие строение всей периодической системы химических элементов эталонные элементы, которые в качестве так называемых совершенных элементов завершают все ее периоды, в том числе оба аномально коротких начальных периода — одноэлементный нулевой (с чисто нейтронным элементом n) и двухэлементный первый (с водородом H и гелием He), и как наиболее репрезентативные возглавляют все ее циклически замыкающиеся валентные группы или по крайней мере входят в них в составе головного стандартного восьмизлементного второго периода.

При переходе от химии к биологии на биологическом или, точнее, втором переходном химико-биологическом (т.е. биохимическом) уровне искомыми эталонными фундаментальными структурными элементами, то есть надлежащими универсальными субмолекулярными кирпичиками жизни, из которых состоит все живое и которыми определяется его генетика, оказываются стандартные генетически кодируемые аминокислотные остатки всевозможных биополипептидов и стандартные генетически кодирующие их нуклеотиды ДНК и РНК.

Рассматриваемые фундаментальные структурные элементы математически определяются, вообще говоря, тремя универсальными характеристиками с соответственно равномерно квантованными собственными значениями. Это прежде всего две основные всегда существующие и одинаково существенные взаимно дополняющие друг друга характеристики с тождественно равными числами их собственных значений: линейно квантованная интегральная (внешняя, количественная) характеристика I с равноотстоящими друг от друга просто последовательными собственными значениями $I(i)$ и соответственно

циклически квантованная дифференциальная (внутренняя, качественная) характеристика D с равноотстоящими друг от друга циклически замыкающимися последовательными собственными значениями $D(d)$. А также дополненная к обем основным менее существенная линейно-циклически квантованная так называемая спинальная (продольная, ориентационная) характеристика S с существенно меньшим — вплоть до возможного вырождения в нуль — заведомо четным числом равноотстоящих друг от друга попарно диаметрально противоположных (антисимметричных) собственных значений $S(s)$.

На собственно физическом уровне интегральная характеристика I сводится к электрическому заряду Q , определяющему электромагнитные взаимодействия, дифференциальная характеристика D — к так называемому цветовому заряду Q_c , определяющему сильные взаимодействия, а спинальная характеристика S — к обычному спину, детерминирующему слабые взаимодействия. В данном максимально симметричном случае дифференциальная характеристика $D = Q_c$ принимает наряду с особо выделенным исходным центральным нулевым собственным значением $D(0) = 0$, характерным для всех принципиально бесцветных лептонов, не иначе как 6 равноотстоящих от него и друг от друга остальных циклически замыкающихся вокруг него последовательных собственных значений, характерных для цветных кварков и антикварков с элементарными цветовыми зарядами трех альтернативных цветов или антицветов, то есть всего $\delta = 1 + 6 = 7$ собственных значений $D(d)$. При этом интегральная характеристика $I = Q$, в свою очередь, принимает именно такое же число $i = \delta = 1 + 6 = 7$ равноотстоящих друг от друга последовательных собственных значений $I(i)$ и как раз со столь же симметричным расположением их относительно особо выделенного общего исходного центрального нулевого собственного значения $I(0) = D(0) = 0$, характерного для нейтрино и антинейтрино (у заряженных лептонов заряд равен $-e$ или $+e$; а у кварков и антикварков он равен $-1/3 e$ или $+2/3 e$ и, соответственно, $+1/3 e$ или $-2/3 e$). Сводящаяся же к обычному спину (то есть к собственному квантово-механическому моменту вращения) спинальная характеристика S имеет всего пару ($\sigma = 2$) антисимметричных (диаметрально противоположных) собственных значений $S(s) = sh = +1/2 h, -1/2 h$, которые различаются возможной ориентацией спина по направлению движения относительно выбранной «покоящейся» системы от-

счета или как раз в противоположном направлении, и их, вообще говоря, можно обратить друг в друга посредством перехода к соответственно быстрее движущейся системе отсчета. Однако у постоянно движущихся с предельной физически возможной скоростью (c) безмассовых незаряженных лептонов, то есть по крайней мере у эталонных (электронных) нейтрино и антинейтрино их спин, равный $-\frac{1}{2} \hbar$ или, соответственно, $+\frac{1}{2} \hbar$, является врожденным (абсолютно неизменным). С соответствующим суммарным числом $\sum = \iota + \delta + \sigma = 7 + 7 + 2 = 16$ всевозможных собственных значений всех возможных независимых универсальных характеристик (I, D, S) совпадает суммарное число $\sum^* = 16$ надлежащих эталонных фундаментальных структурных элементов, которые составляют, вообще говоря, как раз минимально необходимый и достаточный комплект для реализации этих собственных значений.

На первом переходном физико-химическом уровне дифференциальная характеристика D сводится к валентному заряду Q_v атомных химических элементов (или к их валентности, т.е. к числу имеющихся электронов или вакансий во внешней — валентной — электронной оболочке рассматриваемых атомов), а интегральная характеристика I — к главному квантовому числу валентных электронов, или к порядковому номеру валентной электронной оболочки соответствующих атомов (n). Валентные электронные оболочки атомов, вообще говоря, состоят из двух подоболочек — s и p . Первая из этих подоболочек может содержать до двух валентных s -электронов, а вторая — до шести валентных p -электронов. Причем полный комплект валентных электронов равносителен их отсутствию (это имеет место в атомах так называемых совершенных элементов, которые являются инертными). Таким образом, равноотстоящие друг от друга последовательные собственные значения $D(d)$ дифференциальной характеристики $D = Q_v$ циклически замыкаются, образуя начальный вырожденный двучленный цикл (двуугольник) $p' = (D(0), D(I))$ и последующий невырожденный правильный шестичленный цикл $P(1) = (D(II), D(III), D(IV), D(V), D(VI), D(VII))$, сочлененные друг с другом в особо выделенном двукратном нулевом собственном значении $D(II) = D(0) = 0$ и составляющие вместе восьмичленное циклическое замыкание $[P(1)] = p' + P(1)$, где основной цикл $P(1)$ эквивалентен по числу членов существующему в исходном случае единственному циклу $P(0)$ или тождественно совпадающему с ним его циклическому за-

мыканию $[P(0)] = P(0)$. Подобно цветовому заряду Q_c , определяющему сильное взаимодействие кварков в нуклонах атомных ядер, валентный заряд Q_v , определяющий химическое взаимодействие атомов, имеет три равноправных (взаимно симметричных) вида элементарных величин, которые реализуются при наличии в валентной электронной оболочке одного s -электрона и одной s -вакансии из двух возможных либо одного p -электрона или одной p -вакансии из шести возможных. Всего валентных групп или собственных значений $D(d)$ дифференциальной характеристики $D = Q_v$ насчитывается $\delta + 6 = 8$. Столько же должно быть — и действительно имеется — равноотстоящих друг от друга последовательных собственных значений $I(i) \sim i = 0, 1, \dots, i-1$ интегральной характеристики $I = n$, которым соответствуют порядковые номера периодов в надлежащей полной периодической системе атомных химических элементов вещества (начиная с исходного — нулевого — одноэлементного нейтронного периода): $i = \delta = 2 + 6 = 8$. Спиальная характеристика S в данном случае вырождается ($\sigma = 0$). Как и следовало ожидать, с соответствующим суммарным числом $\Sigma = i + \delta + \sigma = 8 + 8 + 0 = 16$ всевозможных собственных значений всех возможных универсальных характеристик (I, D, S) совпадает суммарное число $\Sigma^* = 16$ надлежащих эталонных атомных химических элементов вещества: $n, H, He, Li, Be, B, C, N, O, F, Ne, Ar, Kr, Xe, Rn, Id$ (ideal — предельный возможный совершенный элемент с зарядовым числом $Z = 118$).

На втором переходном химико-биологическом (или биохимическом) уровне дифференциальная характеристика D сводится к ассортименту неводородных атомов или ионов в специфических боковых радикалах R всевозможных фундаментальных структурных биохимических элементах, то есть всевозможных субмолекулярных биоорганических блоков, в том числе эталонных (стандартных, генетически детерминированных) элементарных аминокислотных и субэлементарных нуклеотидных, а интегральная характеристика I — к общему числу этих неводородных атомов или ионов. Причем равноотстоящие друг от друга — каждый раз на один включаемый или исключаемый сорт неводородных атомов или ионов — последовательные собственные значения $D(d)$ соответствующей дифференциальной характеристики циклически замыкаются, образуя наряду с двумя простейшими возможными дополнительными вырожденными двучленными циклами — начальным (p') и конечным (p''), эквивалентный по числу чле-

нов всему циклическому замыканию $[P(1)]$ в предшествующем случае основной невырожденный правильный восьмичленный цикл $P(2)$, сочлененные все вместе в особо выделенном трехкратном собственном значении $D(XI) = D(IX) = D(I) = (C)$ с чисто углеродным ассортиментом неводородных атомов или ионов в R : $D(d) = 0, (C), (C, N^+), (C, N^+, N), (C, N), (C, N, O), (C, O), (C, O, O^-), (C, O^-), (C), (C, S), (C)$ ($d = 0, I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI$). Всего таких соответственно циклически замыкающихся собственных значений $D(d)$ рассматриваемой дифференциальной характеристики D насчитывается $\delta = 2 + 8 + 2 = 12$. Столько же должно быть — и действительно имеется — соответствующих равноотстоящих друг от друга последовательных собственных значений $I(i) \sim i = 0, 1, \dots, i-1$ надлежащей интегральной характеристики I : $i = \delta = 2 + 8 + 2 = 12$. В данном максимально вырожденном случае, с обоими простейшими возможными дополнительными вырожденными двучленными циклами дифференциальной характеристики D — начальным (p') и конечным (p''), соответствующая спинальная характеристика S также имеет именно две пары надлежащих линейно-циклически квантованных собственных значений $S(s) \sim s = -3/2, -1/2, +1/2, +3/2$ ($\sigma = 4$). Как и следовало ожидать, с соответствующим суммарным числом $\Sigma = i + \delta + \sigma = 12 + 12 + 4 = 28$ всевозможных собственных значений всех универсальных характеристик (I, D, S) совпадает суммарное число $\Sigma^* = 28$ надлежащих эталонных элементов, которыми являются 20 стандартных аминокислотных остатков, 4 стандартных нуклеотида ДНК и 4 стандартных нуклеотида РНК ($20 + 4 + 4 = 28$). При этом собственные значения $S(s)$ спинальной характеристики S , связанные с интегральным (количественным) и дифференциальным (качественным) составом неводородных атомов в унифицированных продольных остовах L рассматриваемых элементов, у всех левоспиральных элементов (один особый пролиновый остаток и 19 обычных аминокислотных остатков) — отрицательные, а у всех правоспиральных элементов (4 нуклеотида ДНК и 4 нуклеотида РНК) — положительные. Подобно тому, как нейтрино, будучи левоспиральным, имеет отрицательный спин, а антинейтрино, будучи правоспиральным, имеет положительный спин. Кроме того нельзя не обратить внимания на то, что элементарные аминокислотные остатки функционируют по отдельности, подобно элементарным лептонам, а субэлементарные нуклеотиды функционируют в виде комплементарных пар или в составе триплетных кодонов и антикодонов, подобно

тому, как субэлементарные кварки и антикварки функционируют именно в виде комплементарных пар (образуя всевозможные квазиэлементарные мезоны) или в составе соответствующих триплетов (образуя всевозможные квазиэлементарные адроны). Кстати, Л. Б. Меклер и Р. Г. Идлис установили, что аминокислотные остатки, генетически кодируемые взаимно комплементарными тринуклеотидными кодонами, комплементарны друг другу и своим антикодонам (Природа. 1993. № 5. С. 28-70).

Наряду с системами самих всевозможных — эталонных и производных — фундаментальных структурных элементов материи на всех возможных последовательных основных уровнях ее естественной самоорганизации или даже вместо этих материальных систем можно рассматривать математически эквивалентные им однотипные по своей симметрии и дедуктивно определяемые по надлежащей математической индукции вполне детерминированные идеальные системы всевозможных соответственно (линейно, циклически или линейно-циклически) равномерно квантованных собственных значений всех возможных универсальных характеристик (I, D, S), сознательно вводя — как бы вслед за Ньютоном — необходимые математические начала в метафизические (философские) рассуждения о Природе, то есть в так называемую натуральную философию.

Соответствующая исходная система однозначно определяется сама по себе просто в силу своей максимально возможной симметрии и однозначно определяет всю последующую индукцию, каждый шаг которой сопряжен с наименьшим возможным уменьшением симметрии искомой новой системы.

На предельном собственно психологическом (ментальном) уровне дифференциальная характеристика D должна иметь равноудаленные от обособленного исходного нулевого собственного значения $D(0) = 0$ и циклически замыкающиеся вокруг него остальные равноотстоящие друг от друга собственные значения $D(d)$ ($d = I, II, \dots, \delta - 1$), которые образуют эквивалентный по числу членов всему циклическому замыканию $[P(2)] = p' + P(2) + p''$ в предшествующем максимально вырожденном случае, невырожденный правильный двенадцатичленный цикл и могут интерпретироваться как характерные для типичных разумных индивидуумов теоретически ожидаемые 12 типов менталитета (с различными соотношениями его основных составляющих — интуиции, эмоций и логики). С учетом особо выделенного исходного центрального нулевого

собственного значения $D(0) = 0$, которое соответствует особому типу всесторонне уравновешенного менталитета, дифференциальная характеристика D в этом предельном случае допускает в общей сложности $\delta = 1 + 12 = 13$ собственных значений. Столько же должно быть — и действительно имеется — равноотстоящих друг от друга последовательных собственных значений $I(i) \sim i = 0, 1, \dots, i - 1$ надлежащей интегральной характеристики I ($i = \delta = 1 + 12 = 13$). Она сводится к обратной величине интеллектуальных потенциальных возможностей типичных разумных индивидуумов (x), с характерными для них — и теоретически установленными автором еще четверть века тому назад — критическими значениями $x_j = 12/(12 - j) = 12/i$ ($i = 12 - j, j = 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12$): типичным разумным индивидуумам, которые, действуя независимо друг от друга или, напротив, взаимосвязано, суммируют или умножают присущие им интеллектуальные потенциальные возможности, именно после достижения этих критических значений следует соответственно изменить характер — или принципиальную структуру — своих непосредственных производственных взаимоотношений друг с другом (Г. М. Идлис. Математическая теория научной организации труда и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1970, 336 с.). Как и в еще никак не вырожденном исходном случае, спинальная характеристика S в уже никак не вырожденном предельном случае, когда все возвращается на круги своя, имеет всего одну пару диаметрально противоположных собственных значений $S(s) \sim s = +1/2, -1/2$ ($\sigma = 2$). В данном случае они соответствуют экстравертности или интровертности рассматриваемых разумных индивидуумов и являются врожденными, вообще говоря, лишь для обеих ипостасей божественно всемогущего Высшего Разума с бесконечным — несобственным — значением интеллектуальных потенциальных возможностей $x_{12} = 12/(12 - 12) = 12/0 = \infty$, то есть с общим исходным нулевым собственным значением $I(0) = D(0) = 0$, а также для так называемых убогих существ с тем же нулевым собственным значением $D(0) = 0$, но с крайне ограниченными интеллектуальными потенциальными возможностями $x_0 = 12/(12 - 0) = 12/12 = 1$. На этом предельном собственно психологическом (ментальном) уровне, то есть на уровне разумной жизни, как и на предшествующем ему переходном химико-биологическом уровне, или на уровне жизни вообще, суммарное число всевозможных собственных значений всех возможных универ-

сальных характеристик (I, D, S) $\sum = \iota + \delta + \sigma = 13 + 13 + 2 = 28$. Именно такое же теоретически ожидаемое суммарное число $\sum^* = 28$ должны составлять — и действительно составляют! — образующие своего рода предел или, напротив, фундамент материи эталонные ментальные элементы, то есть ее надлежащие фундаментальные или, в буквальном смысле, фунда-ментальные структурные элементы. Это прежде всего экстравертная и интровертная ипостаси божественно всемогущего Высшего Разума с бесконечным — несобственным — значением интеллектуальных потенциальных возможностей $x_{12} = 12/(12 - 12) = 12/0 = \infty$ и с общим исходным нулевым собственным значением $I(0) = D(0) = 0$. Затем экстравертный и интровертный типы убогого менталитета с крайне ограниченными интеллектуальными потенциальными возможностями $x_0 = 12/(12 - 0) = 12/12 = 1$, или с собственными значениями $I(12)$ и $D(0) = 0$. И, наконец, предельно симметричная система из 24 типов обычного менталитета с характерными конечными значениями интеллектуальных потенциальных возможностей $x_j = 12/(12 - j) = 12/i$ ($i = 12 - j$, $j = 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11$), или с собственными значениями $I(i)$ ($i = 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12$) и $D(d)$ ($d = I, II, III, IV, V, VI, VII, VII, VIII, IX, X, XI, XII$), состоящая из равноправных и равночисленных элементов двух взаимно комплементарных родов — мужского и женского, то есть разделяющаяся именно по полам и как раз пополам на элементы с данными собственными значениями $I(i)$ и $D(d)$, находящиеся на главной и побочной диагоналях соответствующей квадратной матрицы ($d = i$ или $d = \iota - i$ при $i = 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12$ и $\iota = 13$). Следовательно, в итоге $\sum^* = 2(1 + 1 + 12) = 2 + 2 + 24 = 28$.

На каждом из четырех возможных последовательных основных уровней естественной самоорганизации Вселенной (Природы, материи) наибольший интерес представляют прежде всего ее особо выделенные исходные фундаментальные структурные элементы с общим исходным нулевым собственным значением $I(0) = D(0) = 0$ обеих основных универсальных характеристик — интегральной (внешней, количественной) характеристики I и дифференциальной (внутренней, качественной) характеристики D, хотя особая роль этих начальных (и, соответственно, как бы «начальствующих», все возглавляющих) элементов заключается или по крайней мере проявляется не столько в них самих, сколько во взаимоотношениях с ними всех остальных элементов (как известно, «роль короля

играет его свита»). Систему физических элементов возглавляют нейтрино и антинейтрино, долго ускользавшие от внимания физиков. Систему химических элементов вещества (или антивещества) возглавляет нейтрон (или, соответственно, антинейтрон), хотя химики, как правило, до сих пор игнорируют существование нейтронного элемента вещества, несмотря на открытие нейтронных звезд астрофизиками и экспериментальное получение сконденсированных капель нейтронного вещества в физических лабораториях. Систему биологических элементов возглавляет простейший глициновый аминокислотный остаток с условной — коллективной — левоспиральностью: его вырожденный специфический боковой радикал из одного атома водорода противостоит аналогичному неспецифическому боковому радикалу унифицированного продольного остова всех обычных аминокислотных остатков. Наконец, систему ментальных элементов возглавляют экстравертная и интровертная ипостаси божественно всемогущего Высшего Разума, само утверждение о существовании которого многие или по крайней мере некоторые ученые (но не такие действительные корифеи естествознания и его великие преобразователи, как Аристотель, Ньютон или Эйнштейн!) считали находящимся вообще за пределами науки.

Таким образом, материю и сознание (ментальность, разум, дух), как и полагал Димитрий Михайлович, нельзя отрывать друг от друга. Идея об их нерасторжимой взаимосвязи — это очень глубокая, вечная идея, к которой неоднократно обращались и которую каждый раз заново по-своему решали все наиболее глубокие мыслители.

Некоторые философы считали так называемым основным вопросом философии сакраментальный вопрос: что же является первичным — материя или сознание? Если такой вопрос на самом деле имеет смысл, то единственным возможным непредубежденным ответом на него оказывается следующее утверждение: конечные материальные или ментальные элементы можно создать за конечное время, и поэтому они могут иметь вторичное происхождение, будучи созданными из чего-то другого — вечного; но не из каких конечных элементов нельзя создать за конечное время подобный божественно всемогущему Высшему Разуму (Всеобщему Рациональному Первоначалу или самому Богу — дело, в конце концов, не в названии, хотя, как говорится в Библии, «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог») исходный эталонный ментальный элемент с бесконечными интеллектуальными по-

тенциальными возможностями $x_{12} = 12/(12 - 12) = 12/0 = \infty$, то есть входящий в фундамент самой материи особо выделенный исходный эталонный ментальный элемент с общим исходным нулевым собственным значением $I(0) = D(0) = 0$ обеих основных универсальных характеристик (I и D), который представляет собой ее необходимый вечный фундаментальный или, в буквальном смысле, фунда-ментальный структурный элемент.

Однако ортодоксальные представления о происхождении одного из другого вообще применимы лишь для конкретных объектов. Для данного конкретного мира мы можем указать начало, когда он возник из чего-то другого. Но если иметь в виду Вселенную в целом, где существует не один такой мир, а структурно неисчерпаемое множество всевозможных миров, то на самом деле такая Вселенная существует всегда, вечно. И для нее скорее подходит идея шахматной игры с мирами-маятниками и их циклическими колебаниями: возникает какая-то идея, схлопывается, исчезает, появляется новая идея, и те же самые миры-маятники проходят новые циклы. А в целом все это существует извечно. И это извечное существование в принципе содержит в себе все свои потенциальные возможности, и оно эквивалентно тому максимально однородному вакууму, из которого и на фоне которого, по современным физическим и космологическим представлениям, и разворачивается все структурно неисчерпаемое материальное многообразие Вселенной. Этот максимально однородный вакуум представляет собой не просто пустоту или абсолютное ничто, а предельно полную бесконечную совокупность потенциальных возможностей всего, что можно получить из него, то есть он максимально густо наполнен соответствующими потенциальными возможностями возникновения разнообразных виртуальных объектов и явлений.

Таким образом, не только идея мира-маятника или циклических колебаний всего нашего мира, которую развивал Дмитрий Михайлович, но и выдвинутая им основная идея, что развитие идет от наибольшей густоты к меньшим густотам, перекликаются с современными физическими и космологическими представлениями. И дело, разумеется, не в том, насколько все это выписано во всех деталях, а дело в общих идеях (именно в них суть).

ДИСКУССИЯ ПО ДОКЛАДУ Г.М. ИДЛИСА

ВОПРОСЫ С. ТАРАСЕНКО

1. Не знаю, правильно ли я понял Ваши слова, но я не хотел бы, чтобы у слушателей было смешение понятий «ГУСТОТА» и «ПЛОТНОСТЬ», которые по-английски звучат одинаково (density). Плотность относится к тому, что в физике называют «массой на единицу объема», тогда как ГУСТОТА имеет совершенно другое значение. Она представляет собой гораздо большее, чем материализация, содержащаяся в ПЛОТНОСТИ. Сверх возможности образовывать материю речь идет о власти, которой обладает Реальность — это последнее универсальное начало, невидимое, не зависящее от пространства и времени, — проявлять себя, делая возможным пространство, время и субстанцию существ и вещей. Таким образом, речь идет о возможности проявлять себя не только как материя, но и как душа, как трансфизическое единство, которое тоже подвержено процессу сгущения-разрежения. В частности, когда это единство одушевляет материю, чтобы сделать ее живой и умной. Это безразмерная возможность, бесконечный потенциал над конечной материей.

2. Мое замечание относится к параллели, которую я нахожу в словах СОБЫТИЕ, СОХРАНЕНИЕ и СОЗНАНИЕ, употребленных профессором в его сообщении. Они все начинаются с префикса «СО». Не сомневаюсь, что профессор, как и я, осознает богатство этой параллели. Богатство в плане философском, стоящем над научной размерностью, которую мы придаем квантовой теории. Оно затрагивает саму суть унитарного характера вещей. Все есть ОДНО, как это прекрасно показывает видение Д. Панина. В самом деле:

а) СОБЫТИЕ возможно во времени и в определенном месте только благодаря влиянию ВСЕЙ Вселенной в этот момент и в этом месте. Генезис (БЫТИЕ) события вызван согласованным (СО) действием всех частей, образующих ОДНО.

б) СОХРАНЕНИЕ составляющих Вселенной возможно только в контексте СОгласованного действия ВСЕГО (через разные силовые поля), чтобы обеспечить ХРАНЕНИЕ каждого компонента.

в) СОЗНАНИЕ ведет к познанию только благодаря СОгласованному влиянию всей Вселенной, представляющей собой ЗНАНИЕ, на человеческий мозг. Именно это согласованное

влияние ВСЕГО дает эффект сознания, потому что ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ ДЕЙСТВУЕТ.

3. Естественно я отметил многочисленные ссылки профессора на лептоны и кварки. Утверждает ли он, как и я, что посредством модели кварка человек достиг предела перцепции Вселенной? Я считаю, что кварк образует предел в себе, хотя бы тем фактом, что никогда не обнаружили ни одного кварка на всей поверхности наблюдаемого. Парадокс в том, что, с другой стороны, человек никогда еще не создавал столь развернутой и завершенной модели, как кварк. На мой взгляд, мы здесь достигли пределов даже экспериментального знания пределов наблюдаемого. За кварком как физической частицей, возможно, нельзя будет никогда наблюдать, так как он делает типичной наблюдаемую структуру, которую можно выразить посредством математической модели, без нужды постулировать существование физических кварков. Не будут ли они, в конечном счете, неким образом — зеркалом церебрального функционирования человека посредством математической модели, чтобы описать, как мозг постигает возможность кварка без необходимости его физического существования?

ОТВЕТЫ Г. М. ИДЛИСА

1. Я совершенно с Вами согласен, что ГУСТОТА — это сама потенциальная возможность трансформации в материю, а также в душу и тому подобное, тогда как ПЛОТНОСТЬ — это уже материя. Однако я хотел подчеркнуть, что хотя исторически, когда Ньютон вводил свое понятие ПЛОТНОСТИ, это была еще не совсем та ГУСТОТА, о которой затем говорил Панин, но переключка между введенными ими понятиями все-таки есть и заключается в следующем. С точки зрения Ньютона, все структуры, все корпускулы в сущности едины, однотипны. И поэтому, говоря о плотности, он понимал под нею собственно не плотность массы в единице объема, а плотность («густоту») универсальных корпускул или потенциально возможных частиц в единице объема, причем не только сугубо материальных. Поскольку Ньютон в своих математических началах натуральной философии стремился дать необходимые принципы (математические начала) не только механики или физики, а всей натуральной философии, под которой он понимал, как это явствует из его «Оптики», всю

науку о Природе, естествознание в целом, то есть, по существу, физику, химию, биологию и психологию, собранные вместе, или все естественное знание (словом, знание о всем, что есть или по крайней мере может быть). Позднее ученые сузили эту естественнонаучную концепцию Ньютона, и его «Математические начала натуральной философии» стали восприниматься как относящиеся исключительно к механике. На самом деле, по крайней мере в принципе, это была более глубокая и широкая (в сущности, универсальная) концепция.

2. Говоря о таких понятиях, как какие бы то ни было СОБЫТИЯ, чего бы то ни было СОХРАНЕНИЕ или чье бы то ни было СОЗНАНИЕ, мы, действительно, должны отдавать себе отчет в том, что при этом на самом деле речь идет именно о СО-БЫТИЯХ, СО-ХРАНЕНИИ и СО-ЗНАНИИ. Каждая из этих категорий имеет не локальный, а универсальный смысл, будучи принципиально связанной со всей Вселенной.

3. Первоначально идея дискретности, то есть атомизма или квантованности материи подразумевала возможность последовательного расчленения материальной субстанции на все более и более мелкие частицы, вплоть до так называемых неделимых частиц — атомов. Однако сами атомы (буквально — неделимые) оказались делимыми, причем состоящими не только из действительно элементарных электронов, но и из явно неэлементарных атомных ядер, содержащих квазиэлементарные (как бы элементарные) протоны и нейтроны, которые, в свою очередь, состоят из субэлементарных кварков. Эти субэлементарные кварки образуют всевозможные адроны и — в парном сочетании с антикварками — всевозможные мезоны, но не существуют в свободном состоянии, никогда не отделяются друг от друга, а лишь переходят из одних сочетаний в другие. Это напоминает ситуацию с гипотетическими «магнитными зарядами», которые тоже не существуют в изолированном виде: при расчленении любого двухполюсного магнита на части каждая его часть, в свою очередь, имеет два магнитных полюса — «северный» и «южный». Причем так обстоит дело вплоть до элементарных магнитных лептонов или даже субэлементарных кварков и антикварков, у каждого из которых с собственным моментом вращения сопряжен соответствующий собственный магнитный дипольный момент. Строго говоря, все магнитные поля порождаются изменяющимися электрическими полями или движущимися и вращающимися электрически-

ми зарядами, а никаких «магнитных зарядов» вообще нет. Однако аналогия субэлементарных кварков и антикварков с гипотетическими «магнитными зарядами» оказывается все-таки не вполне справедливой. Тот факт, что кварки и антикварки не существуют в свободном (изолированном) состоянии, еще не означает, что они вообще не существуют. Субэлементарные кварки и антикварки, подобно элементарным лептонам, представляют собой принципиальный предел делимости материи. Однако сам этот предел оказывается особым, диалектическим, поскольку рассматриваемые частицы и античастицы субстанциональной материи, будучи элементарными или даже субэлементарными внешне, по крайней мере потенциально могут (и, вообще говоря, должны!) содержать в себе или скрывать за собой целые квазизамкнутые макромиры, имеющие свою микроструктуру.

В 1964 году на Всесоюзном симпозиуме в Киеве по философским проблемам теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии я выдвинул в своем докладе соответствующую концепцию макро-микро-симметрии Вселенной, основанную на необходимости синтеза общей теории относительности с квантовыми представлениями о строении материи. А с 1966 года эту концепцию независимо начал развивать академик М. А. Марков. Ныне она уже достаточно утвердилась в современной космологии.

Пытаясь предельно углубиться внутрь микроструктуры материи, мы в конце концов доходим до такого физического предела, который содержит в себе всю Вселенную со всевозможными макромирами, в том числе обитаемыми, наделенными Разумом.

Таким образом, снова оказывается принципиально невозможным выделить что-то элементарное без связи со всей Вселенной, то есть рассматриваемый физический предел действительно является лишь своеобразным зеркалом, в котором разумные существа рассматривают самих себя.

Это соответствует так называемому антропному принципу, который был возрожден автором в современной космологии в 1957 году в специальном докладе «Структурная бесконечность Вселенной и Метагалактика как типичная обитаемая космическая система» на VI Всесоюзном совещании в Москве по вопросам космогонии, посвященном проблемам космологии и внегалактической астрономии, и который предвосхищался еще пророческим изречением Протагора (V в. до н.э.): «Чело-

век есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих».

Необходимый универсальный смысл этому антропному или рациональному принципу, детерминирующему весь наблюдаемый нами Космос, придают изложенные выше более поздние исследования автора (Г. М.Идлис. Единство естествознания по Бору и единообразные взаимосвязанные периодические системы физики, химии, биологии и психологии // Исследования по истории физики и механики. М., Наука, 1990. С. 37—76. 1995 — в печати.).

Рациональность Вселенной (Природы, материи) в конечном итоге означает необходимость существования всеобщего Рационального Первоначала, или Высшего Разума. Этому был посвящен специальный доклад автора «Возможное рациональное решение проблемы первоначал Природы» на состоявшемся в 1991 году в Санкт-Петербурге международном семинаре «Проблема первоначала мира в науке и теологии».

И.Я.ПАНИНА

В 1987 году, уже после смерти Дмитрия Михайловича был Международный конгресс физиков в городе Туре во Франции, где почти все участники конгресса говорили о том же, о чем говорил Дмитрий Михайлович: на данном уровне современной физики ни один физик не может не верить в Бога. «Разумность» кварков доказывает с неумолимой очевидностью наличие Высшего Разума, Творца.

ДИМИТРИЙ ПАНИН: ПОЕДИНОК СО СМЕРТЬЮ

Личность Дмитрия Панина уникальна, а дарование его многогранно: он изучал и описывал различные аспекты российской жизни XX столетия.

В книге «Созидатели и разрушители» в лапидарной форме дан перечень его политических и нравственных воззрений. Они развернуты в работах ученого, мыслителя, публициста, предложившего анализ и точные характеристики многих явлений политической и нравственной истории России, предшествовавшей революции 1917 года, закончившейся ее победой.

Он просидел шестнадцать тяжелейших лет в ГУЛАГе. В самую лучшую пору своей жизни. И мысль его оставалась свежей и острой именно там, где среди многолюдья, оскорблений, чудовищных притеснений и тяжкого труда, казалось бы не только невозможно было мыслить, но и невозможно было дышать.

Дмитрий Панин вошел в плеяду российских ученых и мыслителей XX века. И в плеяду российских «з э к а» XX века. Среди них были люди незаурядных дарований. Лишь немногие из них остались в живых. Они — свидетели преступлений большевизма, свидетели последствий той антропологической революции, целью которой было превратить человека в раба и палача одновременно.

Панин был спасен Богом от гибели. Этому «чуду сорокового дня», описанному в его лагерных записках «Лубянка — Экибастуз», предшествовал обет, данный Богу в смертном бараке, в котором выжить было невозможно.

Это чисто русская история. И она напомнила мне о Константине Леонтьеве, выдающемся русском писателе и мыслителе, который, пораженный ужасом перед гибелью от неисцелимой болезни дает так же, как и Панин, обет Богу. И Бог спасает его.

Дмитрий Панин, осознавая близость смерти, вступает с ней в поединок. Но не один, а с Богом. Он дает Богу обет

«постоять за выполнение Его святой воли и тем самым чем-то помочь обманутым, защитить их от лжецов и душегубов». Столь смиренно накануне неминуемой смерти очерчивает свой будущий путь Димитрий Михайлович Панин.

«Каким-то неведомым путем,— продолжает он описывать свое состояние в смертном бараке,— я был уже подготовлен к этому обещанию. С момента моего обета возникла уверенность, которая уже больше меня не покидала. Я знал, не сомневался, был убежден, что Бог сохранит мне жизнь и у меня хватит умения, воли, чтобы свернуть горы».

Бог совершил чудо и подарил вторую жизнь Димитрию Панину. Теперь она принадлежала Богу. «Отныне я солдат Церкви»,— признается он.

Панин был не только верующим, он был религиозным мыслителем. Его «концепция мироздания», в которой вершит Свою волю Бог, лежит в основе его трудов, будь то изучение природных явлений или социальный, политический анализ исторических событий или нравственное учение о «созидателях», «разрушителях», о необходимости «революции в умах» и построении новой России.

Он обещал Богу «защитить обманутых», то есть защитить тех, кто в течение многих лет, а, возможно, и всей жизни не знал ради чего он живет, не знал ни крупицы правды ни о себе, ни о мире. Панин обещал Богу вернуть обманутым правду о Боге и мире. Это грандиозная задача. Ради нее он и стал «солдатом Церкви». Выполнит ли ее Димитрий Панин, шестнадцать лет просидевший в ГУЛАГе и шестнадцать лет напряженно работавший для того, чтобы записать открытия своей мысли и опыт души, обретенные в ГУЛАГе и на воле? Мы не можем судить об этом. То, что написано им еще неизвестно многим, не расшифрованы и не опубликованы до сих пор все его работы, не все еще вошло в «научный обиход», не все еще принято и понято. Так, впрочем, и должно быть. Димитрий Панин был и остается оригинальным мыслителем для многих россиян, переживших и переживающих и донныне трагический опыт ложного мировидения. И панинская «концепция мироздания» не так легко находит своих сторонников. Пройдут годы и годы, прежде чем проснется Россия и сможет вернуться в лоно христианской цивилизации. Она будет просыпаться долго и мучительно и такие мыслители, как Панин, засвидетельствовавшие в своем жизненном опыте и в своих творениях необходимость познания Божественного участия в человеческой жизни, а значит, необходимость по-

исков веры, будут ей помогать. А поэтому важно, чтобы в России издавались книги Д. Панина, чтобы его идеи могли «работать» на его родине.

Одной из таких важных и для сегодняшней России идей я считаю идею этической защиты граждан и этического контроля. И не раз писала об этом, пытаюсь обратить внимание читателей моих работ на эти мысли Панина, надеясь, что кто-то «загорится» идеей этического контроля, столь необходимого в нашем больном обществе. Увы, мои старания оказались пока тщетными. Мысль Панина никто не отвергал, но и никто не намеревался найти ей осуществление в нашей жизни. Дело, видно, было в том колоссальном разрыве, который все еще существует между теми, кто был уверен в том, что с поражением коммунизма в России начнется иная жизнь, что она будет строиться согласно нравственным и этическим нормам, и теми, кто хочет вернуться «обратно»: в СССР. Ведь ни один из эзков, выживших в ГУЛАГе не мог предположить, что большевизм после своего поражения, будет столь способен к мимикрии, будет стремиться к реваншу, к реставрации. И уши его адептов будут все так же «заложены», а глаза слепы. Никто из тех, кто пережил страдания в ГУЛАГе не мог и предположить, что в России не найдется людей, которые смогут добиться суда над человеконенавистнической идеологией большевизма и тем самым лишить ее навсегда возможности вновь воцариться в России. Тогда, если бы это случилось, если бы «культура большевизма» потерпела, наконец, поражение, тогда, возможно, и смог бы «заработать» тот самый, необходимый нам этический контроль, предохраняющий нас и от реставрации большевистской мафиозности, коррумпированности, от лжи, и разбоя, словом, от всего того, что мешает сегодня строить новое государство.

Но есть еще одно обстоятельство, без которого невозможно не только осудить людоедский режим, но и начать созидать новое.

Это — покаяние. Оно должно было начаться с пастырей Церкви. Именно Церковь в лице своих пастырей могла бы раскрыть смысл покаяния, его спасительную обновляющую силу.

Этого пока не произошло. Слишком мало оказалось в России «солдат Церкви». И этическая защита граждан также как этический контроль остаются только надеждой. Для того, чтобы ее осуществить, нужны люди, осознавшие ужас свершившегося и свершающегося в России.

Только после этого они получают нравственное право начать тот путь, который был предложен Паниным, мечтавшим о Державе созидателей.

ВОСПОМИНАНИЯ ШКОЛЬНОГО ДРУГА

Учились мы в одном классе семь лет; на последние два класса Дмитрий Панин перешел в другую школу, девятилетку, бывшую гимназию Медведевых в Староконюшенном переулке на Арбате. Но дружба наша продолжалась до 1934 года. В те времена последние два класса школ-девятилеток имели «уклон», то есть специализацию. В школе Мити был химический уклон, а в нашей школе — геодезический. Наша школа до революции была женской гимназией Алферова и занимала специально построенное для нее здание. И сейчас, правда, лишенное своего большого замечательного сада, одиноко стоит оно на берегу Москва-реки против Киевского вокзала. Только теперь в этом здании уже не школа, а различные районные судебные заведения. До 17 года в нашей школе училась некоторое время Марина Цветаева. Еще при нас в школе оставались замечательные педагоги, бывшие еще при Алферовых. Сергей Владимирович Бахрушин, ставший затем академиком, преподавал историю; политэкономию преподавал будущий профессор Московского университета Константин Васильевич Базилевич. Нашим классным руководителем несколько лет была преподаватель литературы — Елизавета Николаевна Коншина, известный знаток творчества Чехова, друг его сестры, Марии Павловны. Тогда уже Коншина работала в отделе рукописей Ленинской библиотеки. Даже рисование в младших классах вел у нас бывший художник Большого театра Пашков. Среди наших сверстников был непревзойденный шахматист Петя, внук Крапоткина. Учились с нами потомки декабриста Пестеля, Юра и Соня, сын известного профессора историка Готье — Владимир. Супруги Алферовы, еще год после революции оставленные директорами в своей школе, летом 1918 года в связи с разгромом восстания эсеров в Москве были арестованы и расстреляны.

А многие из старых педагогов были репрессированы в 20-е и 30-е годы. В школе долгое время сохранялась еще атмосфера дореволюционной алферовской гимназии. В ней несколько лет не было ни пионерской, ни комсомольской организации, а была организация бойскаутов, в которой мы с Митей состояли. Но мы были в таком еще возрасте, что не могли быть полноправными скаутами, а лишь так называемыми волчатами, что соответствовало октябряткам в школах с пионерской организацией. Бойскауты собирались обычно по четвергам после учебы. Помню был такой обычай, что каждый должен был отчитаться, какое доброе дело он сделал на предыдущей неделе. И решалось: посчитать это за добро или нет. И гимн замечательный пели, начинался он так: «Будь готов к работе дела честного, стой на страже правды и добра». Вот в такой атмосфере и сформировались у Мити первые порывы к критическому осмыслению положения в нашей стране с ее ложным пафосом и безнадежностью части интеллигенции.

Как я бы хотел еще дожить до того дня, когда на стене нашей бывшей школы на Ростовской набережной в Москве появится пусть самая скромная, но мемориальная доска с упоминанием, что здесь в те годы учился наш дорогой Димитрий Михайлович Панин.

Какой же облик Мити мне запомнился с тех школьных лет? Крепкого телосложения мальчик с лучистыми голубыми глазами и бархатистыми темными с блеском, немного вьющимися волосами. Как все, мы тогда скромно были одеты: черная рубашка на выпуск, подпоясанная ремешком. Митя любил всегда поспорить, доказать что-то противоположное общему мнению, но никогда не унижал своего оппонента. Помню даже его большую полемику с нашим историком Бахрушиным, когда изучали мы Великую французскую революцию. Митя проявлял большой интерес не только к истории. Пожалуй, скорей к химии и естественным наукам. Читая теперь в его книгах о глубоком религиозном христианском размышлении, понимаю, что к христианству полностью пришел он уже в лагере, пережив тяжелые испытания.

В те двадцатые школьные годы собственно религиозность была у большинства интеллигентных семей, как сама собой разумеющаяся. Митя знал, что моя семья была очень религиозная. Отец мой долгое время был старостой известного в Москве храма Успенья на могилицах на Причистенке, где мы тогда жили. Я бывал у Мити часто в Девятинском переулке.

В комнате у Паниных запомнился мне угол, увешанный иконами и лампадами. Его мама была глубоко верующим человеком. А вот отца его я не запомнил, видел его всего несколько раз. В том возрасте мы, пожалуй, не очень много говорили о религии, а больше о том с чем были тогда в корне не согласны, о том, что происходило в нашей жизни. Особенно были недовольны и взволнованы тем, что после школы нам не предоставлялась возможность поступить в высшие учебные заведения, так как наше социальное положение было всего навсего «сыновья служащих». Я, например, выдержал все экзамены в геодезический институт, но принят не был. Митя даже не стал держать вступительные экзамены, а уехал в Подольск на цементный завод заработать себе рабочий стаж, чтобы потом легче поступить в вуз. Я же стал работать в проектно институте, позже совмещая работу с вечерними занятиями в архитектурном институте.

Очень многие из бывших учащихся нашей школы в 30е годы тоже были репрессированы. В 34 году, когда мне было всего 23 года, был арестован и я и еще два моих товарища. В своей книге «Лубянка — Экибастуз» Митя пишет об этом, не указывая наши фамилии. И пишет, что если бы и он был в это время не в Подольске, а в Москве, то обязательно взяли бы и его с нами. Арест его настиг позже, лишь в 40-м году.

После лагеря я жил еще 20 лет в Казахстане, в Караганде. А Митя, как оказалось, был после Экибастузского лагеря в Кустанае, что уж не так далеко от моего тогдашнего казахстанского жилья.

Уже, когда Митя был во Франции я через завесу глушения зарубежных голосов рядом с именем Александра Исаевича Солженицына услышал и упоминание о Димитрии Михайловиче Панине. Я понял, что это именно был Митя, но о том, чтобы как-то связаться с ним в то время и подумать было нельзя.

Как же я жалею теперь, что ничего не знал о его жизни в Казахстане и особенно в Москве до эмиграции во Францию. Мы тогда уже жили в Туле, и я часто бывал в Москве, отыскал многих своих школьных друзей, но о нем мне никто ничего сказать не мог. Мы лишь вспоминали о нем, как о прекрасном человеке, который встретился на нашем пути. Как прекрасно, что он оставил о себе такую светлую память своими замечательными книгами. И как прекрасно, что у него такая милая и мужественная подруга жизни, как Исса Яков-

левна Панина, благодаря которой его идеи, воплощенные в его книгах, оставили его благородное имя для следующих поколений.

ИЗ АРХИВА МИХМа

(Личное дело и научные статьи студента и аспиранта
МИХМа Д.М. Панина)

Имя Дмитрия Михайловича Панина — ученого, мыслителя, христианского философа — в последние годы стало известным в России: издаются его книги, появляются о нем статьи в газетах, проходят научные конференции и вечера, посвященные его памяти.

Д. М. Панин родился в Москве 11 февраля 1911 г. После окончания гимназии с химическим уклоном он с 17 лет работал на Подольском цементном заводе. В 30-х годах он был студентом и аспирантом МИХМа. Диссертацию защитить не успел — в 1940 году Дмитрий Панин был арестован по доносу человека, к которому относился с полным доверием.

По 58 статье Дмитрий Панин был осужден на 5 лет, но потом его снова осудили, и освобожден он был лишь в 1956 году.

За 16 лет заключения он прошел тюрьмы, лагеря и ссылку. Как талантливый и квалифицированный инженер он работал в годы заключения в спецтюрьме («шарашке») вместе с Александром Солженицыным и Львом Копелевым. В романе Солженицына «В круге первом» Панин послужил прообразом Дмитрию Сологдину. После освобождения Д. Панин работал главным конструктором в одном из московских НИИ.

Многолетние размышления в невыносимых условиях в местах заключения о проблемах мироздания, о несправедливой судьбе своего народа и устройстве общества в целом привели его к неодолимой потребности изложить свои взгляды «языком предельной ясности». Чтобы осуществить задуманное, в 1972 году он эмигрирует на Запад. Там и вышли в печати его первые научные труды.

Скончался Дмитрий Панин внезапно 18 ноября 1987 года в Париже, не успев завершить часть задуманного.

В архиве МИХМа с 1931 года хранится личное дело Д.М. Панина. В папке 17 документов: различные справки на бланках тех времен, заявления, опросные листы, некоторые из которых написаны карандашом его аккуратным почерком.

В архивной папке есть командировка в МИХМ ячейки ВЛКСМ при Подольском Госцемзаводе, характеризующая Д.М. Панина «как вполне выдержанного комсомольца и хорошего производственника — ударника и общественника», утверждающая, что за трехлетний период работы на заводе он «показал себя с наилучшей стороны».

Поступить в то время в высшее учебное заведение было сложно. Отец его был стрелецкого рода, до революции — присяжный поверенный. Мать — из дворян. Ко времени поступления Дмитрия Михайловича в МИХМ ее уже не было в живых. В доме 3 по Дявитинскому переулку, принадлежавшему до революции Паниным, отцу и сыну оставили лишь по комнате в квартире 13.

Дмитрий Михайлович, опасаясь, что его могут не принять в институт из-за его происхождения, предоставляет справки, выданные его отцу, Михаилу Ивановичу Панину, в которых утверждается, что он «происходит из крестьян Тамбовской губернии», «занимается всю жизнь личным и общественным трудом», «по списку лишенцев (лишенных прав после 1917 года) не числится». Есть даже справка, что отец «участвует в общественной работе». В то время М.И. Панин работал в Тресте новых строительных материалов.

Огромное желание учиться, получить высшее образование по специальности заставляют Дмитрия Панина написать в заявления слова, которые звучат сегодня наивно и трогательно: «...я цементно-силикатное дело ...сильно полюбил и желаю стать хорошим знатоком и специалистом этого дела, чтобы в дальнейшем принести еще больше пользы социалистическому строительству. Считаю, что во мне институт найдет студента-общественника — ударника, который отдавал, отдает и будет отдавать все свои силы социалистическому строю».

Дмитрий Михайлович получает официальную справку о зачислении в майский набор, организованный в МИХМе для окончивших рабфак, но вскоре получает отказ. Причиной отказа было то, что Дмитрий Михайлович окончил не рабфак, а курсы по подготовке для поступления в институт.

И снова Дмитрий Михайлович пишет заявления, заполняет опросной лист, представляет справки, утверждающие, что курсы, которые он окончил, приравниваются к рабфаку. В оп-

росном листе Димитрий Михайлович указывает, что живет «на собственное жалованье» по адресу: г. Подольск, Новая стройка, дом 12, комната 1, но в случае приема его в институт сможет жить в Москве у отца. Наконец, его зачисляют в МИХМ.

В архивной папке имеются документы, утверждающие, что с сентября 1934 года по 1 мая 1935 года Всесоюзным Центральным Советом изобретателей студент 3 курса Д.М. Панин, обладающий, вероятно, незаурядными способностями, был отозван с учебы «на разработку и реализацию особо важного изобретения в области транспортного машиностроения».

В библиотеке института в сборнике «Труды МИХМа» (1935, № 2) обнаружена статья студента 5 курса Д.М. Панина «Рабочая формула для задач, решаемых методом контрольного пространства». Статью предваряет отзыв члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Л.С. Лейбензона, в котором говорится, что в этой работе Д.М. Панин «применяет метод контрольного пространства к выводу общей формулы, в которой он учитывает все возможные комбинации сил и давлений, действующих в системе жидкость — твердое тело. Полученная универсальная формула прилагается к ряду частных случаев, имеющих практический интерес. В результате простым путем получаются известные ранее формулы, объединенные в одном синтезе. Работа эта является интересной и ее следует опубликовать».

В сборнике «Труды МИХМа (1938, № 4) опубликована еще одна статья аспиранта Д.М. Панина: «Новое решение вопроса последовательного регулирования». В конце статьи автор указывает, что «работа проводилась при исключительно внимательном отношении со стороны заведующего кафедрой электротехники профессора Н.Д. Цюрупы», которого помнят выпускники МИХМа тех лет. Возможно, что он был научным руководителем аспиранта Д. Панина.

МИХМ может гордиться своей причастностью к нелегкой, но яркой судьбе большого ученого, философа, мыслителя — Д.М. Панина. Девять лет его жизни связаны с нашим институтом. Этот период можно считать периодом формирования мировоззрения и становления характера в жизни любого молодого человека.

В ноябре 1991 года в МИХМе состоялось заседание, посвященное памяти Д.М. Панина, на котором присутствовала его вдова И.Я. Панина. Многотиражная газета МИХМа «Аудитория» осветила это событие (1991, № 35-36). Стараниями Иссы

Яковлевны Паниной изданы книги Дмитрия Михайловича: «Лубянка — Экибастуз», «Теория густот», «Механика на квантовом уровне», «Держава созидателей». Она — составитель сборника его философских и социологических работ: «В человеках благоволение». На вечерах и конференциях она выступает с докладами о нем, показывает фильмы с его участием и о нем, способствуя возвращению Дмитрия Панина на его родину, в Россию.

На вечере в МИХМе И.Я. Панина говорила, что Дмитрий Михайлович всегда отмечал на Западе, что «образование, полученное им в этом институте, дало ему разносторонние знания, которые потом он применял в своих научных и философских трудах. Он всегда подчеркивал высокий уровень инженерной подготовки в те годы в МИХМе.

На вечере в МИХМе выступил и бывший аспирант института, специалист по автоматике, лауреат Государственной премии, доктор технических наук, профессор Б.В. Вольтер. Он считает, что в упомянутой выше научной статье аспиранта Д. Панина «представлены электромеханические и электронные схемы, что для 1938 года просто удивительно. Здесь же им дано математическое исследование группового регулирования технологического процесса, выводы о функционировании полученных схем. Это одна из первых публикаций по автоматическому регулированию химических процессов вообще».

К сожалению, дело аспиранта Дмитрия Панина пока найти не удалось. Возможно оно было изъято КГБ при его аресте.

ДИМИТРИЙ ПАНИН В ВНИИ «СТРОЙДОРМАШ»

Мне, работавшему с Дмитрием Михайловичем Паниным в одном институте в течение почти 15 лет, тем не менее, нелегко рассказать о нем. Он пришел в конструкторское бюро научно-исследовательского института строительного и дорожного машиностроения в 1956 году после возвращения из ссылки. В институте ходили слухи, что Дмитрий Михайлович был в заключении, но никто толком не знал никаких подробностей.

Прошло три года после смерти вождя народов. Воспоминания о сталинских временах были еще очень свежи, государственная система не претерпела никаких изменений, По-прежнему лишнее, неосторожно сказанное слово могло привести к непредсказуемым последствиям, о чем Дмитрий Михайлович знал лучше других. Поэтому легко понять, почему он был сдержан в разговоре, никогда не рассказывал о годах, проведенных в лагерях. Внутренний мир его был скрыт от постороннего взгляда. Потому и остался он в памяти институтских сослуживцев хорошим человеком и инженером. А когда одна из моих знакомых, работающая тоже во ВНИИстройдормаше, рассказала своим сослуживцам об интервью Иссе Яковлевны Паниной по московскому телевидению 31 марта 1990, они решили, что речь шла о другом Панине, ученом и философе.

Первые годы работы в институте Дмитрий Михайлович участвовал в проектировании одноковшовых экскаваторов. Он не потерял инженерной квалификации за долгие годы, проведенные в лагерях и ссылке. Ровный характер, доброжелательное отношение к окружающим, хорошие инженерные знания позволили ему установить нормальные деловые отношения с коллегами и успешно работать. В институте у него не было недоброжелателей, тем более врагов.

Здоровье Дмитрия Михайловича было подорвано. Он решил укрепить его индийской йогой. В те годы она не была официально признана и не поощрялась. Считалось, что она

отвлекает трудящихся от общественной жизни, противоречит государственной идеологии. Книги по йоге не издавались. Энтузиасты сами переводили, распространяли самиздатовскими способами иностранные издания, окольными путями попадавшие в страну, и занимались йогой без наставников, на свой страх и риск. Димитрий Михайлович начал с малого — с изучения начальных руководств и простых упражнений хатха-йоги. Можно только поражаться его настойчивости и твердой дисциплине. Очень последовательно Димитрий Михайлович увеличивал количество и продолжительность упражнений, со скрупулезной точностью выполнял асаны, банджи, крийи, упражнения пранаямы. Он установил для себя ежедневную продолжительность сиршасаны (стойки на голове) 8 минут и выдерживал ее неукоснительно, измеряя время секундомером. Если время оказывалось на несколько секунд меньше, то на следующий день он это время наверстывал. Вокруг Димитрия Михайловича образовался круг поклонников йоги.

На работе Димитрий Михайлович каждое утро наполнял водой литровую бутылку и в течение дня выпивал ее. Весь день он работал стоя; к столу приспособил подставку, заменявшую конторку. Стол его находился у окна. Несколько раз в день он делал дыхательные упражнения перед открытым окном.

Большое внимание Димитрий Михайлович уделял адаптации к низким температурам и бегу. Он перешел на бег постепенно, постоянно увеличивая темп ходьбы. По утрам в легкой летней куртке и вязаной лыжной шапочке, со спортивной сумкой на плече, Димитрий Михайлович бежал трусцой от станции метро до института, обгоняя своих коллег. Зимой он регулярно купался в проруби при температурах до 20-25 градусов мороза.

Последние годы перед его отъездом за рубеж мы работали в одном отделе и сидели за соседними столами. Димитрий Михайлович стал со мной откровеннее. Он рассказал мне о своих лагерных друзьях — А.И. Солженицыне и Л.З. Копелеве — и дал мне прочитать машинописный экземпляр неизданного в то время романа Солженицына «В круге первом». Все, кто знал Димитрия Михайловича узнавали в Сологдине Панина. Перед отъездом он провел отпуск в Прибалтике, в Литве, и сказал мне, что перешел из православной в католическую веру. Считал, что русская православная Церковь была служанкой государства.

Я бывал у него дома и видел, что он читает древних философов. Я знал, что он пишет книгу по механике. Но откровением для меня было, что он оставил философские труды и лагерные воспоминания.

Долгие годы, проведенные в заключении, лишения, унижения, душевные и физические страдания, собственные и окружающих, заставляли постоянно его думать о несовершенстве нашего общества, о причинах невзгод, выпавших на долю народа, и путях построения справедливого общества свободных людей. В результате явились социально-политические и философские труды Дмитрия Михайловича Панина.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАНИНЕ КОНЦА ШЕСТИДЕСЯТЫХ — НАЧАЛА СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Осенью шестьдесят девятого мы кончали работу над пятым томом философской энциклопедии. Надо было обязательно указывать, кто на кого влиял, но однажды Сергей Сергеевич Аверинцев сказал примерно так: «Всякий святой, да и христианский философ все сам из себя брал, точнее от Бога. Так что можно бы и не спрашивать, кто кого читал». Именно тогда, в те же годы, при занимательнейших обстоятельствах, которые может описать только Честертон, я познакомилась с Дмитрием Михайловичем Паниным и часто рассказывала о нем в Энциклопедии. Даже по сравнению с теми, кто ее делал, он был особенным. Конечно, он отличался от других и в тридцатых, и в двадцатых годах нашего века. Прикиньте, сколько прибавилось в промежутке. Под напором страшных шестнадцати лет тюрем и лагерей получилась невероятная духовная густота. И что он читал совершенно неважно. Я говорила ему тогда о его близости к томизму, но он наотрез отказывался об этом слушать, не хотел знать, в чем он совпадал с томистами. В Энциклопедии обрадовались такому предельному примеру. Помню, я выписала как-то для него похожие мысли из Маритена, но он их читать не стал. Он все рождал сам, а не принимал — не от гордости, просто было ему неважно. Он стремился к истине, прямо и просто, как ребенок, а прочее, кто что писал — его не занимало.

Чаще всего его мысли совпадали с тем, что говорили Жозеф де Местр, Тихомиров или Победоносцев. Как-то мы шли втроем через огромное поле в Тарасовку, и один молодой философ сказал: «Дмитрий Михайлович напоминает мне Победоносцева». Второй путник добавил: «Если бы еще Победоносцеву так очиститься, так провариться во всех щелоках и горнилах».

Помню, как в 1963 году отец Всеволод Шпиллер говорил, что очень хотел бы видеть совершенно несоветского человека. Все стали волноваться, нашли нескольких, но отец Всеволод сказал, что одни из них — калеки, а другие — циники. Димитрий Михайлович не был ни калекой, ни циником. Таких людей больше по-моему не было. Некоторые считают, что таким был отец Александр Мень. Но мне кажется, что скорее он то, что можно сделать из советского мальчика. Тем он и поразителен. Теперь часто говорят, что отец Александр какое-то инородное существо. Нет, он — мальчик Серпуховки 30-х годов, и в этом его красота: «из камней сих сделаю детей Аврааму». Это ведь значит, что никогда не иссякает благодать. Берется обычный здоровый и хороший мальчик и получается совсем не тот «Алик», о котором сейчас ходят легенды, а совершенно Божий человек. Если дальше применять слово Димитрия Михайловича — огромнейшей густоты. Поэтому они друг друга и любили, хотя почти во всех взглядах расходились.

Опять вспоминаю, как в декабре, перед католическим Рождеством, прибежала на вокзал, чтобы сказать Димитрию Михайловичу, что не поеду в тот день к отцу Александру и объяснить дорогу от станции. У меня был грипп. И вот, перед кассами я говорила, что отец Александр читал утопии вроде «Государства» и «Законов», лучше говорить с ним о чем-нибудь другом. А Димитрий Михайлович стоял на своем и говорил о своих социальных замыслах. Позже, после этой встречи, первой из долгих встреч, Димитрий Михайлович думал, что потому что он — католик отец Александр его не понял. Оба рассказывали мне об этой встрече. Недоразумение скоро рассеялось, а вот друг друга они сразу очень полюбили. Отец Александр увидел эту красоту, этого возвращенного рыцаря, подвижника без страха и упрека, а Димитрий Михайлович — советского мальчика, который смог вырваться к Богу (про советского мальчика он первым и сказал). Ни в чем, кроме любви к Богу (а значит — к истине) они не соглашались, но это им совершенно не мешало, они именно любили друг друга.

В то время я переводила среди прочего латино-американские романы. Называлось это «магический реализм». Романы были ужасные, сейчас даже вспомнить не могу. Димитрий Михайлович меня осуждал за то, что я их перевожу. А я не брала только антирелигиозных книг, а так — заказывают, и берешь. И тогда он сказал: — «Нужен не магический ре-

лизм, а мистический реализм». Вот он и был мистический реалист. Правильнее было бы сказать, что написать о нем можно было бы только в духе мистического реализма. Как иначе передашь невероятную средневековую четкость?

Детскую, поразительную густоту я увидела еще только у Андрея Дмитриевича Сахарова, по странной случайности — в том же доме, где впервые встретила Дмитрия Михайловича. Их сходство меня поразило. Рыцарь свободы и рыцарь порядка были похожи какой-то чистой, детской красотой. Видимо, им удалось остаться детьми без малейших свойств плохого ребенка, — скажем, без его вредности. Мы вечно говорим про детей, что они хороши именно тем, чем они плохи, какой-нибудь своей «спонтанностью», за которой стоит просто себялюбие. А они хороши тем, что отражают ангельский мир и совершенно беззащитны. Мне кажется, что эти два человека были такие. Еще в двух людях я видела такую духовную красоту, в одном литовском священнике и в моей умершей крестной. Также можно ее увидеть, когда читаешь дневник папы Иоанна XXIII. И все-таки Дмитрий Михайлович от них отличался. Он не «лучше», а еще какой-то. Труднее это увидеть, когда читаешь его. Например, он просто и четко пишет, что Россию опять надо подморозить. Если вы его не видели, то неверно это поймете (очень может быть, что точно так же с Леонтьевым) А если видели, тогда из «подморозить» какой-то алмаз получится. Окупалось это его личной красотой.

Мы спорили, но сумели поладить, когда он решил, что наши разногласия из-за того, что он — мужчина, а я — нет. Слова «триумфализм» тогда я не знала, а Дмитрий Михайлович искал в католичестве чего-то похожего на то, что называют триумфализмом — скажем, ясности и победительности.

Однажды у меня был человек, друживший с Венедиктом Ерофеевым. Эти люди тоже «противостояли» режиму, и некоторые из диссидентов были очень трогательны, прежде всего сам Венедикт Васильевич. Но Дмитрий Михайлович, увидя в соответствующем виде друга Ерофеева, сказал: «Вот таких мы будем ссылать в резервацию». В советское время — семидесятый наверное год — слышать, что кого-то еще куда-то ссылать надо, было по меньшей мере неприятно. Мой гость в ужасе смотрит на него. Я мечусь. Слава Богу уладилось. Позже вернулись к этому разговору. Я взывала, неужели еще ссылать? Это же невозможно! А Дмитрий Михайлович ска-

зал: «Вы этого понять не можете. Женщина действительно этого понимать не должна. Женщина не может ссылать и даже рыбу убить». У меня в то время жили в ванне две рыбы, которых принес будущий священник Меерсон-Аксенов. Никто не знал, как же с ними быть. Наконец, одна уснула, а вторую забрали бабушка с девочкой, которые жили в нашем доме. Примеры Димитрия Михайловича всегда шли из быта, как в те же средние века.

Примерно в те годы Сергей Сергеевич Аверинцев разделил христианские культуры на римскую, западную (конь, орел и пес) и восточную, православную (осел, кот и голубь). Димитрию Михайловичу это понравилось, и он сказал: женщина, которая станет кого-нибудь ссылать — монстр, ее культура — как бы восточная.

Последнее время перед его отъездом на Запад мы спорили о том, можно брать меч или нельзя. Он говорил примерно так: «Это не женского ума дело. Женщина должна говорить, подправляя мужчину — а уж он разберется».

С ним нельзя было поспорить. Видимо «воинственность» Димитрия Михайловича, окупленная тысячекратно, была на самом деле, «в жизни», какой-то алмазной четкостью и совершенно не касалась ссор; она никогда не была на том уровне, на который сходит воинственная женщина. Он не сердился, но и не сдавался.

Был у нас разговор о людях циничных. Он сказал, что непременно надо уходить от этих людей, просто с ними не общаться. Не помню, что мы решили. Я продолжала общаться, а он, узнав, наверное сказал бы то же самое: «Мужчина должен уходить, а женщина должна терпеть». Но тут он уехал.

Вопрос о России и Западе в отношении Димитрия Михайловича просто, на ярлыковом уровне не решается. Вообще не применимы к нему ярлыки. Вот сперва выбрал он в конфессиях «коня и орла», а потом, не порывая с ними, вернулся к «ослу и голубю».

Сейчас встает вопрос о его «тиражировании»: может ли он стать привычным, ходовым элементом мирской культуры? Помоему нет. Не знаю, что будет через шестнадцать лет с его наследием, у него ведь все шестнадцатилетиями. Вспомнилась мне легенда о Ваал-Шеме. Он и какой-то человек, еще не родившись, решили не обижать своих матерей. Родились; один из них не обижает только мать, другой никого не обижает. И вот один обрел всякие земные блага, в том числе — что-то

вроде «publicity», а другой — нет. С Дмитрием Михайловичем «publicity» плохо увязывается. Ведь он потеряет тогда свет и красоту, именно ту густоту, которая уравнивает его рыцарскую суровость. В сентябре 1993 года на вечере его памяти в Библиотеке Иностранной литературы говорили о том, что России сейчас нужны такие люди, как он. Я не могу себе представить Дмитрия Михайловича на таком уровне. Не в том дело, что он слишком хорош, а в том, что он — не от мира. О таких Честертон писал. И друзья мои считали в семидесятые годы, что он — герой Честертона. Потому я посвятила Дмитрию Михайловичу перевод его романа «Возвращение Дон-Кихота», ходивший в Самиздате. Он — мечта Честертона, который понимал, что на уровне мирской суеты этого быть не может. Может, но под нечеловеческим давлением этих дважды шестнадцати лет и раньше, когда Дмитрий Михайлович был совсем молодой. И человек такой остается один, он никем не правит. И тогда получается не «триумфализм», а подвиг. Трудно описать густоту бесконечно твердого алмаза. Но была она чем-то похожей на Дмитрия Михайловича Панина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	3
<i>П. В. Палиевский.</i> Вступительное слово	4
<i>А. Ю. Арьев.</i> Преображение ума. («Держава созидателей» Димитрия Панина).	8
<i>И. Я. Панина.</i> Состояние духовного наследия Димитрия Па- нина.	14
<i>С. Тарасенко.</i> Возвращение Димитрия Панина в Россию.	24
<i>Н. В. Шабуров.</i> Д.М. Панин и современная Россия.	30
<i>В. Н. Чернявский.</i> Хартия борьбы. (Димитрий Панин о про- тивлении злу).	35
<i>Отец Валентин Асмус.</i> Об отношении Д. М. Панина к мо- нархии.	44
<i>Р. М. Южаков.</i> Основы религиозного мирозозерцания Димитрия Панина.	49
<i>Ю. В. Мамлеев.</i> Бунт против морали и восстание природы.	55
<i>Г. М. Фридендер.</i> О Теории густот и ее авторе.	59
<i>В. П. Борисов.</i> Развитие представлений о пустоте и Теория густот Панина	65
<i>Г. М. Идлис.</i> Работы Панина и проблемы современной фи- зики.	69
<i>З. А. Крахмальникова.</i> Димитрий Панин: поединок со смер- тью.	89
<i>Г. И. Левин.</i> Воспоминания школьного друга.	93
<i>О. Б. Федюкина.</i> Из архива МИХМа (Личное дело и науч- ные статьи студента и аспиранта МИХМа Д. М. Пани- на).	97
<i>С. П. Долецкий.</i> Димитрий Панин в ВНИИ «Стройдормаш».	101
<i>Н. Л. Трауберг.</i> Воспоминания о Панине конца шестидеся- тых — начала семидесятых годов.	104

УДК 008(47+57)+929 Панин
П 162

Составитель и редактор
И.Я. ПАНИНА

П 162 Д.М. Панин: Возвращение в Россию / Сост. и ред.
И.Я. Панина.— М.: Наследие, 1995.— 112 с.

В книге собраны доклады о творчестве русского мыслителя и ученого
Дмитрия Панина, прочитанные на международной конференции
«Д.М. Панин: возвращение в Россию» в ИМЛИ РАН 21—22 декабря 1994
года.

ISBN 5-201-13230-8

© Издательство «Наследие», 1995

Научное издание

**Д. М. Панин:
Возвращение в Россию**

Технический редактор Якушева Е. Ю.

ЛР № 040126 от 16.10.91

**Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Печ. л. 7.
Тираж 500 экз.**

**Специализированное издательско-торговое предприятие «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25^а.**

